

Служу России и Спецназу

АЛЬБЕРТ БАЙКАЛОВ

АНТИДЖИХАД

ЭКСМО

Альберт Байкалов

Антиджихад

«ЭКСМО»

Байкалов А. Ю.

Антиджихад / А. Ю. Байкалов — «Эксмо»,

Не знали москвичи, что более шестидесяти лет они жили на «пороховой бочке». При разборке гостиницы в центре города были обнаружены тонны взрывчатки, заложенной еще во время войны. Согласно плану, на случай сдачи Москвы врагу, все стратегически важные объекты должны были взорвать. Столицу не сдали, а тротилловые закладки остались. О них проводили чеченские боевики и теперь они ищут бункер с взрывчаткой. Если доберутся до него, масштабный теракт обеспечен. Но успеют ли? Группа спецназовцев под командой Антона Филиппова уже сидит в засаде и ждет «гостей»...

© Байкалов А. Ю.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Альберт Байкалов

Антиджихад

Глава 1

Гафур стоял в центре комнаты с чашкой горячего кофе в руке и заворуженно смотрел на экран «Panasonic». Но его внимание привлекла не симпатичная дикторша, а то, о чем она говорила.

С тревогой в голосе миловидная дамочка сообщала о том, что при разборе фундамента широко известной даже за пределами России гостиницы, в специально оборудованной нише, обнаружены почти полторы тонны тротила. По всем признакам он был оставлен там еще во времена войны. У Гафура, приехавшего в столицу только с одной целью – прославить себя на весь исламский мир, такие новости просто «срывали крышу». Сейчас он размышлял над тем, как сделать так, чтобы взять хотя бы половину найденной взрывчатки. Две машины с подобным обнаруженному в гостинице взрывчатым веществом, отправленные лично для него, были задержаны ФСБ еще в Ставропольском крае, и теперь он был сапожником без сапог. Необходимо было как-то восполнить потери.

Поглощенный своими мыслями, Гафур не замечал, как ароматный, горячий напиток вытекает из чашки на ковер, образуя коричневое пятно.

«Надо найти людей, кто будет оформлять акт на уничтожение находки, и заплатить им за каждый спасенный килограмм по десять долларов. Нет! По двадцать! Взрывчатка в Москве, да еще в таком количестве! Я смогу затмить подвиг братьев, которые атаковали Башни-близнецы в Америке, и покрыть себя славой!»

– Милый, – влажный язычок скользнул от ступни по голени к колену, потом выше, по покрытому густой черной порослью бедру, и вот уже головка Зины оттопырила домашний халат в том месте, где располагалось его мужское достоинство.

Гафур не заметил, как, выбравшись из спальни, Зина подползла к нему, словно кошка, и поднырнула под полу халата.

Сейчас было не до нее. Грубо толкнув Зину коленом в упругую грудь, он отправился в ванную, на ходу размышляя, как распределить тротил, который скоро попадет к нему в руки. В том, что это случится, Гафур был уверен: у него есть деньги, а в России для достижения любой цели, кроме них, ничего больше не нужно.

«Можно заминировать пару десятков автобусов и рвануть их в „час пик“, можно заказать полсотни женщин, и эти тупые „бомбочки“, разбредясь по центру этого города, вмиг унесут с собой тысячи неверных, можно... Нужен старик Камаль! У него связи, а главное, светлая голова», – размышлял Гафур, стоя под струями горячей воды.

Ненасытная Зинка, с огромными грудями и гладко выбритым лобком, не оставила его в покое и здесь. Иногда ему казалось, что для этой синеглазки не существует ничего более, кроме секса. Изредка, оглядывая себя в зеркале, он не мог понять, как такая красивая женщина могла польститься на огромного, с узким лбом, густыми, почти в палец шириной, бровями и глубоко посаженными глазами мужчину. Гафур знал, что он некрасив, даже страшен, и гордился этим. Воин должен быть таким. Он одним своим видом может нагнать страх на врага и вынудить того сложить оружие. Но эта-то что в нем нашла?

Ее точеная, с нежной бархатистой кожей ножка скользнула между двух его ножищ, едва не свалив на пол ванной комнаты. С трудом удержав равновесие, Гафур схватил Зинку за осиную талию двумя своими лапами, развернул ее на сто восемьдесят градусов, нагнул... Зинка замерла в ожидании вожаемого секса. Он даже почувствовал легкую дрожь ее тела... Но

Гафуру сейчас не до женщины, как бы ни была она красива. Со всего размаха он стал хлестать ее ладонью по ягодицам.

Рык Гафура заглушил нечеловеческий вопль Зинки.

– ...Говорил, женщина, когда занят, не лезь!.. Говорил, не гладь меня, когда я думаю. Получай!

– Ой, родненький! Мамочки...

Гафуру не пришлось лететь в Эмираты, чтобы встретиться с Камалем, когда раздался телефонный звонок.

Зинка, лежа на животе поперек кровати, жалобно постанывала и бормотала слова, которых Гафур разобрать не мог, сам же Гафур повязывал на мускулистой шее галстук.

Узел не получался, Гафур был зол, но просить Зинку взять трубку не решился. Подойдя к журнальному столику, он схватил сотовый телефон, и, не взглянув на определившийся номер, приложил мобильник к уху.

– Да!

– Что, дорогой, не в духе?

Услышав голос Камаля, Гафур растерялся.

– Здравствуй! Почему молчишь? – продолжал знакомый до боли старческий голос.

– Здравствуйте! – почти взвыл чеченец, отчего прижатая плечом к уху трубка выскользнула и грохнулась на пол.

Встав на четвереньки, смешно перебирая руками и ногами, Гафур ринулся под кровать и со всего размаха врезался в ее спинку. Зинкины постанывания вмиг прекратились.

Едва Гафур дотянулся до телефона, он тут же трясущимися руками вновь приложил его к уху.

– Что там у тебя? Почему так долго не отвечал?

Гафур поднялся и с ненавистью посмотрел на Зинку, размышляя над тем, как оправдать паузу. Однако араб не стал ждать ответа:

– Жди меня в полдень, – Камаль отключил телефон.

Гафур медленно опустился в кресло и задумался.

Выходит, Камаль в Москве. Места встреч на случай его прилета они оговорили еще в Каире. Сегодня вторник, значит, он подъедет в торговое представительство. Гафур посмотрел на часы, потом бросил брезгливый взгляд на Зинку, встал и, теребя подбородок, зашагал из угла в угол спальни.

На встрече он уже должен чем-то удивить своего хозяина. Показать свою работу. Только чем?

Неожиданно ему пришла в голову мысль. Нужно прямо сейчас отправить Кривого и Дыбу на разведку к гостинице, и, если повезет, пусть попытаются отыскать там человека, готового помочь осуществить его план. Выглядят они довольно респектабельно, возможно, уже к обеду им даже удастся решить вопрос. Камаль наверняка прилетел по тому же делу и будет очень удивлен, узнав, что он уже нашел выход из положения.

Кривой и Дыба были обыкновенными отщепенцами, бежавшими в начале девяностых от правосудия в Чечню, которая в то время принимала у себя все отребье. Кривой, он же Криворучко Олег, неудачно «выбил» деньги у какого-то кооператора, после чего жена его стала вдовой, а дети сиротами. Среднего роста русоволосый паренек, имевший за плечами два года службы в армии и спортивную карьеру боксера, не захотел рисковать и в тот же день сел на поезд Москва-Грозный. Его дружок, Дыба, худощавый каратист-самоучка, и вовсе попал под расстрельную статью, вырезав целую семью начинающего предпринимателя. Поскитавшись по России и налюбовавшись своими фотографиями на известных стендах, он также рванул на Кавказ. Спустя год началась война, и парням ничего не оставалось делать, как встать в ряды новоиспеченной армии генерала Дудаева. Чувствуя себя чужими среди непокорных горцев, они

всеми силами старались заработать авторитет, и это у них получилось. Их славянская внешность сыграла основную роль в том, что оба оказались в составе диверсионной группы Гафура, организованной в конце две тысячи пятого года. Пройдя дополнительную подготовку в лагерях Афганистана и Грузии, они вернулись на родину уже в ином статусе и под другими фамилиями.

Рука вновь потянулась к лежащему на столике телефону.

В свое время Гафур учился в Москве. И не где-нибудь, а в военном училище имени Верховного Совета, поступив туда после года службы в армии. Как удалось сыну обыкновенного председателя колхоза оказаться в стенах престижного по тем временам вуза, куда безродному вход был заказан, одному богу известно, но окончить его он не смог, так как сломал на третьем курсе нос внучатому племяннику известного на всю страну полковника. Сейчас Гафур вернулся сюда отнюдь не для того, чтобы вспомнить те годы и побродить по памятным местам. Он приехал возглавить мощную террористическую группировку и нагнать ужас на неверных.

* * *

Скатившись куда-то за Садовое кольцо, угасающее солнце освещало лишь верхние этажи высоток странным, желтовато-розовым светом, отражаясь от окон своими остывшими лучами.

Уставший за день город нервно гудел – сигналили машины, гремели трамваи. По тротуарам текли людские реки, образуя на перекрестках, у станций метро и остановок общественного транспорта некое подобие водоворотов.

Была пятница. Ресторан «Скала», расположенный на улице Декабристов в спальном районе Москвы, пока еще скучал в ожидании своих гостей. Из полутора десятков столиков «Бирюзового» зала занята была лишь треть.

Большинство посетителей в это время представляли собой разного рода служащих из расположенных по соседству фирм, адвокатской конторы и банка, заскочивших посидеть за чашечкой кофе, выпить рюмку коньяка под негромкую музыку, чтобы стряхнуть с себя накопившееся за пять дней рабочей недели напряжение. Они, подобно водолазам-глубоководникам, проходившим после погружения адаптацию в барокамерах, приводили здесь свою нервную систему в порядок перед тем, как отправиться домой. Исключение составляли лишь влюбленная пара да какая-то престарелая чета. Вся эта публика изредка посматривала в дальний угол зала, где все семь мест за столом заняли крепкие и сравнительно молодые мужчины, трое из которых имели ярко выраженную внешность так нелюбимых в столице лиц кавказской национальности.

Несколько раз из служебного входа появлялся невысокий седой толстяк в строгом черном костюме и безупречно-белой сорочке. Как бы невзначай окинув взглядом просторное помещение, он исчезал. В его глазах была заметна тревога.

– Слышь, Джин, видел, администратор зачастил? – спросил у своего соседа смуглолицый молодой мужчина со слегка выющимися коротко стриженными волосами.

Угрюмый горец со свирепым выражением глаз с густыми, сросшимися на переносице бровями и массивной квадратной челюстью пожал мощными плечами:

– Ну, скажи что-нибудь, Вася.

– Боится, что здесь разборки могут начаться. – Мужчина, которого называли Василием, бросил по сторонам настороженный взгляд и продолжил уже заговорщицким голосом: – А что? Четверо русских и трое урюков. Само собой напрашивается вывод – отношения выясняют.

– Слышь, ты, русский, – сидевший напротив кавказец со слегка вытянутым лицом наклонился вперед и с неприязнью посмотрел на Василия: – Сам урюк. Дошутишься...

– Ладно, хватит вам! – Устроившийся с торца стола мужчина строго посмотрел сначала на Василия, потом на сидевшего напротив кавказца. – Сейчас оба у меня получите.

Он выглядел немного старше остальных. Свободного покроя светлый костюм не скрывал его атлетической фигуры. Серые глаза, волевой подбородок и аккуратная стрижка пепельного цвета волос, словно магнит, притягивали взгляды снующих по залу официанток.

Василий заметно приуныл.

– Всегда так. Хотя, – он махнул рукой и пододвинул к себе тарелку с салатом, – отсутствие юмора – это патология. Медицина тут бессильна.

– В случае с тобой это точно, – вступил в разговор сидевший от него по правую руку наголо бритый крепыш с бесцветными бровями.

– Полынь, тебе-то какое дело? – Василий совсем раскис. – Хотел пошутить...

– А получилось как всегда, – закончил за него Полынь и подмигнул кавказцу: – Ты, Шамиль, не обижайся.

Он взял графин и разлил в рюмки водку. Вернув его на место, вопросительно посмотрел на сидевшего с торца стола мужчину. Тот кивнул едва заметно.

Кавказцы извлекли из карманов пиджаков ордена «Мужества» и по сложившейся традиции опустили в стаканы.

– Ну что, поехали, – вздохнул Шамиль.

Выпили. Те, у кого были ордена, извлекли их зубами. Сидевшие рядом собрались было помочь приколоть их на лацканы пиджаков, но Антон остановил их:

– На пенсии наденут.

Смутившись, чеченцы уложили ордена в коробки и вновь убрали.

Антон Филиппов и шесть офицеров разведывательно-диверсионной группы Генерального штаба, а, говоря простым языком, спецназа ГРУ, отмечали награждение своих сослуживцев-чеченцев правительственными наградами. В последней командировке на Северный Кавказ эти люди отличились. Работая под боевиков, смогли выйти на след банды полевого командира Халида Байханова, удерживающей в заложниках представителей иностранной делегации.

За три года службы чеченцев в спецназе у них это была первая награда. Хотя, не будь этих людей, многие операции могли бы попросту оказаться невыполнимыми. Бывшие сотрудники милиции Курчалоевского ОВД Вахид Джабраилов, братья Шамиль и Иса Батаевы были незаменимы не только при выполнении задач на территории Чечни, но и в других государствах исламского мира. Они могли запросто сойти за паломников в Эмиратах, за долечивающихся боевиков в Турции, за членов этнической преступной группы в Москве и других городах Европы.

Плотный график занятий и тренировок сочетался с частыми командировками. В любой момент группа Филиппова могла получить распоряжение убыть куда угодно. Накануне три офицера и прапорщик улетели в Афганистан для сопровождения сотрудника посольства. В первый раз решили отметить событие вместе, но не получилось.

Зал постепенно заполнялся людьми. Заиграла музыка. За соседним столиком устроились четверо молодых женщин. Потягивая красное вино и о чем-то вполголоса переговариваясь, они с интересом поглядывали в сторону спецназовцев. Судя по всему, этих особ больше всего интересовали Филиппов и сидевший рядом с ним Полынцев. Шутника Дорофеева они, к сожалению, могли оценить только со спины. На кавказцев женщины смотрели с некоторым опасением, видимо, так же, как и большинство посетителей, приняв их за бандитов, выясняющих отношение с конкурентами.

– Требую продолжения банкета! – не выдержал Дрон, покончив с эскалопом. Шаман вновь разлил водку.

– Шеф, может, что-нибудь скажешь? – спросил Полынцев.

– Скажу, – кивнул Антон и, взяв рюмку, хотел встать, но передумал и произнес тост сидя: – За то, чтобы это были не «крайние» награды, а те, которые будут еще, не вручались посмертно.

Снова выпили. Антон закусил салатом и посмотрел на часы:

– Что-то Родимова нет.

– Чует мое сердце, не к добру это, – пробубнил с набитым ртом Дрон. – Наверняка замышляет, как праздник испохабить. Он сон потерял, как узнал, что без спиртного нам не обойтись.

– Сплюнь, – Полынь постучал по столу. – Я на выходные сына в зоопарк обещал свозить.

– Мы с женой уже давно перестали заранее что-то планировать, – грустно вздохнул Антон. – Стоит только Сережке что-либо пообещать, как какой-нибудь новоявленный Бен Ладен очередную пакость устраивает.

– Значит, эта нечисть заранее узнает о твоих намерениях, – заявил Дрон, сделав лицо серьезным. – Я бы на твоём месте комнаты на предмет прослушки проверил, а супругу через детектор лжи пропустил.

Антон едва заметно улыбнулся шутке капитана.

– А вот и шеф! – Полынцев показал взглядом в сторону выхода.

Генерал Родимов направлялся через зал в их сторону.

Невысокий, абсолютно седой, со слегка заостренным носом, в светлом костюме, он, скорее, походил на математика или профессора, преподающего в институте, чем на военного, прослужившего в спецназе всю сознательную жизнь. Но внешность была обманчива. В свои пятьдесят пять Федор Павлович без труда мог пробежать любую дистанцию, предусмотренную программой боевой и физической подготовки, отстреляться из какого угодно оружия на уровне если не мастера спорта, то где-то в этих пределах, свалить в течение пары секунд несколько амбалов в рукопашном бою. Однако в спецназе не это главное. Идеальная память, быстрота реакции, интеллект, умение моделировать ситуации, ориентироваться в любой обстановке и принимать зачастую неординарные решения – вот те основные качества, которые объединяли сидевших за столиком людей с этим человеком.

– Наконец-то! – Филиппов встал, указав место напротив.

– Я ненадолго, – предупредил, усаживаясь за стол, генерал. – Неожиданно появились неотложные дела.

– Что, даже на пару часов их нельзя отложить? – Филиппов сделал лицо огорченным.

– Кто, кстати, вас по домам развозить будет? – проигнорировав вопрос, на полном серьезе спросил генерал. – Я смотрю, вы намерены здесь, по меньшей мере, еще не один литр осушить.

– У меня в детском кафе, напротив, жена и сын. Регина прекрасно управляет с любым видом техники, – отрапортовал Антон. – Джип под парами на стоянке.

– Мы своим ходом, – ответил Джин. – Так сказать, пешим порядком.

– Я на такси, – впервые за вечер серьезно ответил Дрон.

Полынь взял со стола графин и, поднявшись со своего места, плеснул генералу в рюмку водку.

– Поздравляю, – Родимов посмотрел на Джина, потом на сидевших рядом Батаевых и вздохнул: – Желаю скорого мира в вашей республике, здоровья вам и вашим близким.

– Спасибо, – поблагодарил Джин.

Выпили. На некоторое время за столом воцарилась тишина, нарушаемая лишь позвякиванием столовых приборов.

– Ну ладно, отдыхайте, – генерал встал. – Только чтоб завтра... – он шутливо нахмурил брови и постучал костяшками пальцев по столу. – Я еще, быть может, из вас хмель марш-броском вытряхивать буду. Кстати, – Родимов взглянул на Антона, – Туманов со своей командой уже вернулись из Афганистана.

– Шах случайно оттуда себе жену-мусульманку не привез? – улыбаясь, поинтересовался Дрон.

Все рассмеялись. Шаяхметов Марат был прапорщиком. Среднего роста, со слегка выпирающей нижней челюстью татарин никогда не лез за словом в карман и был в группе противовесом Дрону.

* * *

Когда Кривой и Дыба остановились по сигналу милиционера, стоявшего неподалеку от желто-полосатой ленты, на их лицах не дрогнул ни один мускул. Документы у них были в идеальном состоянии, внешность за более чем десятилетний срок отсутствия в стране изменилась, да и страна уже не та.

Втиснув свою «БМВ» между припаркованными у тротуара машинами, они некоторое время наблюдали за происходившим.

– Слышь, Дыба, – ковыряясь в зубах спичкой, наконец заговорил сидевший за рулем Кривой, – видишь, вон там, у грузовиков, военные ошиваются?

– Ну.

– А майора с красной мордой видишь?

– Да не слепой я, ты по делу говори! – вскипел Дыба.

– По ходу, он тут главный, это во-первых, а во-вторых, судя по его роже – «синяк».

– Согласен, – немного подумав, выдохнул Дыба, – только как к нему подкатить?

– Как учили, – усмехнулся Кривой и выбрался из машины.

Майор, о котором шла речь, стоял, привалившись спиной к дереву, вялым взглядом прожоя редких прохожих, которые в основном представляли сейчас в этом районе практически все силовые структуры.

– Здравствуйте, товарищ майор! – Кривой стал вглядываться в опухшее, покрасневшееся лицо мужчины.

– Ты что, журналист? – не выдержал военный.

– Нет, – Кривой отрицательно покачал головой. – Просто мне кажется, что мы знакомы. Вы где служили?

– В Забайкалье, ПриВО. – Стало заметно, что офицера эта тема тоже заинтересовала. Возможно даже, что и Кривой напомнил ему кого-то из сослуживцев. – А ты что, тоже сапер?

– Нет, – бандит развел руками, – пехота.

– В Чечне в командировке два месяца был, – продолжал вспоминать майор.

– Где? – Кривой оживился.

– Курчалой.

– В комендатуре?!

– Ну!

– Точно! – Кривой хлопнул себя по бокам руками. – Я в комендантской роте там барабанил.

– Срочную?

– По контракту...

Разговор пошел в нужном русле, тем более что Кривой, облазивший весь Северный Кавказ вдоль и поперек, хорошо знал Курчалой и его окрестности и, как говорится, «зацепил» майора, который на полном серьезе теперь считал его в доску своим.

– Долго здесь еще перекрыто будет? – Кривой показал взглядом на забитый транспортом проспект.

– А шут его знает. Пока не вывезут, – майор зло выругался. – Вытащили еще с вечера из-за стола, и вот до сих пор здесь торчу.

– Зачем?

– На весь найденный тротил по правилам составляется акт. Теперь, на полигоне, перед уничтожением, я должен буду засвидетельствовать, что по дороге ничего не пропало. Обычная формальность. В принципе, пока перегрузят, осмотрят все, – он закатил глаза к небу, – я здесь ни к чему. Просто живу далеко, потом тащиться не хочется.

– Понятно, – протянул с нотками разочарования в голосе Кривой. – Я думал, ты здесь за старшего...

– Начальства тут и без меня хватает, – майор невесело улыбнулся. – Только пока я и еще двое моих коллег свои закорючки на бумаге не поставим, этот сюрприз не будет считаться уничтоженным. А вот когда его на полигон собираются везти, это одному богу известно.

Он с тоской посмотрел на часы.

– Так пойдем в машину, – предложил Кривой, покосившись в сторону группы милиционеров. – Заодно и опохмелишься.

Воровато оглядевшись по сторонам, майор, которого, как выяснилось, звали Николаем, махнул рукой:

– Пошли.

Разговор возобновили уже в машине. Кривой познакомил военного со своим другом, назвав Дыбу для солидности Михаилом, и сразу полез в бардачок.

После ста граммов «Абсолюта» завели разговор о жизни, после двухсот Кривой стал намекать майору, что они с другом заядлые рыбаки, и неплохо было бы достать немного динамита. Николай отнесся к этому спокойно. Приезжайте, мол, к части, я вам пару шашек вынесу.

– Да мы не о том толкуем, старик, – вступил в разговор Дыба, которому наскучил затянувшийся диалог. – Ты сейчас ведь все это богатство на полигон повезешь, чтобы рвануть. А нам на всю жизнь половины этого добра хватило бы. Давай, мы тебе по тридцатке зеленыю за каждый килограмм. А для списания ты там фейерверк и так устроить сможешь.

– Вы что ребята, бандиты? – вмиг протрезвевший майор округлившимися глазами посмотрел сначала на одного, потом на другого террориста. – Да вы знаете, какая это статья?! Нет! – Он с решительным видом взялся за ручку двери с твердым намерением покинуть машину. Но дверцы оказались заблокированными.

– Значит, дядя, разговор не получится? – Дыба плюнул себе под ноги и перевел взгляд на Кривого: – Сильно засветился?

– Если меня с этим пеньком и видели, то исключительно со спины.

– Это хорошо, – поворачивая ключ в замке зажигания, хмыкнул Дыба, – а я машину так поставил, ни одна падла не то что номера, марки не определила.

* * *

Регина едва успела свернуть, перескочив две разделительные полосы, как по тому месту, где только что находился джип, пронеслась милицейская машина с синими проблесковыми маячками, следом за которой, гремя бортами, проехали два «Урала». Колонну замыкал микроавтобус.

– «Разминирование», – прочитал по складам ничего не успевший понять Сережка, сидевший на заднем сиденье.

– Антон. – Вернувшись в свой ряд и прижавшись к обочине, Регина остановила машину и рассеянно посмотрела на разомлевшего после посещения «Скалы» мужа, устроившегося рядом. – Пересядь за руль. Что-то мне не по себе стало.

– Возьми себя в руки, – Антон сокрушенно вздохнул. – Ну как я выпивший поеду?

– Не отмазывайся, – она улыбнулась одними глазами, – ты же у меня самый-самый.

– Уговорила, – Антон едва успел щелкнуть замком дверцы со своей стороны, как по капоту легонько постучали милицейским жезлом.

– Когда надо, их днем с огнем не найдешь, – чертыхнулась Регина и вышла наружу.

– Так, гражданочка, – протянул худощавый милиционер, оглядывая голубоглазую блондинку с точеной фигуркой. – Двойная разделительная – раз...

– Поворот налево запрещен – два, – договорил за него вышедший на тротуар Филиппов. – Может, еще и аптечку проверишь? Сами все знаем. Только встань сейчас на то место, откуда она, говоря вашим языком, «маневр совершила», и посмотри, видно ли оттуда машину ваших коллег, которые летели как угорелые, без сирены.

– А вы, собственно, кто? – Постукивая на сей раз по открытой ладони жезлом, блюститель порядка перевел взгляд на Антона.

– Представьтесь для начала, товарищ сержант, как положено, а документы я вам уж точно предъявлю. – В голосе Антона появились металлические нотки.

– Сержант Пахомов.

Антон вынул из кармана пиджака удостоверение личности. Сержант потянулся было за ним, но Антон убрал руку, а другой слегка дотронулся пальцами чуть выше левого кармана форменной рубашки сотрудника ГИБДД.

– В развернутом виде.

– Филиппов Антон Владимирович, подполковник. Начальник оперативного отдела, – пошевелил милиционер одними губами. – Ну и что?

– Ничего, – спокойно пожал плечами Филиппов.

– Вы теперь домой общественным транспортом извольте добираться, поскольку права у вашей супруги изымаю, а машину отправляем на штрафстоянку. Или хотите сказать, что дальше сами поедете?

Милиционер, хитро прищурившись, посмотрел в глаза Антону. Запах алкоголя чувствовался за несколько шагов.

– Согласен, – Филиппов улыбнулся, оголив ряд ровных белых зубов. – Только ты перед этим у меня свое табельное оружие заберешь, ксиву и значок.

Опешив, сержант ухватился за опустевшую кобуру, потом похлопал себя по тому месту, где минуту назад висел значок.

– Ты... Вы...

Он бросил беспомощный взгляд в сторону своих коллег, стоявших у патрульной «Вольво». Как ни странно, никто из них не бросился ему на помощь. Напротив, покатываясь со смеху, они с интересом наблюдали за тем, как развиваются события у джипа. Рядом с ними, с пристегнутым к джинсовой курточке значком, стоял мальчуган, ехавший в остановленной машине.

– Ну ты, брат, даешь! – качая головой, милиционер растерянно озирался по сторонам, словно опасаясь того, что проезжающие мимо водители других машин заметят его оплошность. – Копперфильд нашелся!

– У меня в удостоверении между строк написано – фокусник. Ладно! – Антон дружески хлопнул сотрудника по плечу. – Понимаю. Не каждый день приходится останавливать супругу диверсанта.

После того, как инцидент был исчерпан, лицо его сделалось серьезным:

– Скажи, – Филиппов внимательно посмотрел на сержанта, – а откуда шла колонна?

– Да ты что, совсем ничего не знаешь? – пристегивая трясущимися после пережитого волнения руками значок обратно, пробубнил гаишник. – Гостиницу «Столичная» разбирали, а там, под фундаментом, в нише – ящики с тротилом. Больше тонны, – сержант снял фуражку, смахнул с тульи невидимую пылинку, вновь надел и пожал плечами: – Понимаю, война... Все такое. Но склад боеприпасов под таким доминой устраивать... Уму непостижимо. Я вот с матерью в старом доме живу. Тоже, черт его знает, может, и туда чего запихали.

– Ладно, – Антон потрепал сержанта по плечу, – бывает. Извините, что все так вышло...

Сержант кивнул вслед уходящему подполковнику и неожиданно схватился за погон, будто этот странный офицер мог и его ради шутки прихватить...

* * *

Гафур ходил из угла в угол своего кабинета, расположенного в офисе торгового представительства, с одинаковым трепетом ожидая как звонка от Кривого и Дыбы, так и сообщения секретарши о прибытии Камала.

Наконец позвонил Кривой. Уговорить казавшегося поначалу доверчивым и жадным военного оказать помощь в приобретении взрывчатки не удалось. Причем, со слов бандита, с виду простоватый майор оказался руководителем группы, занимающейся непосредственно уничтожением опасной находки.

– Когда он понял, чего мы от него хотим, то попытался нас сдать, – закончил монолог Кривой. – Пришлось его похитить и увезти в надежное место.

По мере того, как сказанное доходило до сознания Гафура, его лоб покрывался испариной, а под левой лопаткой предательски заныло.

– Они что, с ума сошли? – машинально держа уже давно подающий короткие гудки мобильник у уха, произнес он вслух.

– Кто это, дорогой, у тебя сходит с ума? – громом среди ясного неба раздался от дверей голос Камала.

Сухощавый старик с бесцветными глазами и смуглой, испещренной морщинами кожей неторопливо прошел к глубокому кожаному дивану и степенно опустился на него.

На самом деле настоящее имя этого человека было не Камаль, а Сарсур Махуль. Он лично курировал деятельность Гафура. Организовывал финансовую поддержку, определял цели и задачи, а при случае наказывал. В общем, для Гафура он был всем. Российским спецслужбам Сарсур Махуль был малоизвестен, да и наверняка в его биографии они не найдут ничего такого, что указывало бы на связь этого человека с Аль-Каидой. А между тем, этот гений конспиративной работы, через посредников, еще до приезда Гафура в Москву, организовал контакты не только с Хизб ут-Тахир аль-Ислами (Партия исламского освобождения. – *Прим. авт.*) и Аль-Ихван аль-Муслимун (*Братья-мусульмане. – Прим. авт.*), но и со скинхедами и другими националистическими группировками русских. Вынудив эти организации одному ему известными способами активизировать свои действия в столице, он рассчитывал отвлечь внимание российских спецслужб от появления в городе диверсионной группы, на подготовку которой, кроме нескольких лет, ушли очень большие деньги. От одних тренировок в стрельбе даже у Гафура волосы вставали дыбом. В специальный лагерь привозили краденых, купленных за мешок муки людей, просто провинившихся моджахедов, заставляли их бегать и прятаться, а обучаемому давали всего три патрона. Если он не мог их использовать по назначению, то иногда сам становился живой мишенью. Женщины пользовались единственной привилегией, у них было на два выстрела больше.

Сейчас, кроме группы русских, в столице двадцать хорошо подготовленных боевиков, большинство из которых чеченцы. Любой промах, который приведет к провалу организации или невыполнению задания, для Гафура может означать одно – он примет самую позорную смерть. Еще перед отлетом в Москву старик Камаль, напутствуя его, спокойным, обыденным голосом сказал: «Если что, ты будешь умирать долго и страшно, а в это время неверные будут испражняться на твое агонизирующее тело».

До этого времени о цели приезда речи не велось. Как сказал Камаль, «всему свое время». Первая задача – это всем прибыть в столицу неверных и разместиться на конспиративных квартирах. Причем он требовал иметь резервную жилплощадь. Этим занималась русская часть

команды. Им легче договориться с хозяевами, они лучше знают менталитет своего народа. Тем временем остальные легализовались. Они нашли себе работу, немного изучили город.

Первый этап окончен. Сегодня Гафур, исходя из собственных умозаключений, самостоятельно приступил ко второй фазе операции. Он уже пытается на месте найти каналы приобретения оружия и взрывчатки. Уверенный в том, что ту же задачу ему поставит Камаль, чеченец был спокоен.

– Так ты мне и не сказал, кто сошел с ума? Разве уже есть такие? – насмешливо глядя в глаза Гафуру, напомнил Камаль.

– В центре города, при разборке фундамента, – начал было Гафур, но Камаль его перебил:

– Знаю.

– Я отправил людей, чтобы найти выход на тех, кто может помочь приобрести тротил. Двое русских...

– Кто?

– Дыба и Кривой...

– Понятно, говори.

– Нашли майора, который всем этим занимается. Подпоили... Предложили деньги. Он отказал им. Офицера пришлось похитить.

Пока шел этот странный диалог, Камаль, казалось, не слушал, а наслаждался роскошным интерьером офиса своего подопечного.

– Убили? – обыденным голосом спросил Камаль.

– Пока нет, – Гафур немного успокоился и взял себя в руки. Значит, он был на правильном пути.

– А зачем тебе взрывчатка? – ошарашил Камаль Гафура вопросом и уперся в него немигающим, холодным взглядом.

– Как? Так ведь...

– Молись, чтобы этот русский не пролил свет на то, зачем я сюда приехал, – Камаль встал и прошел к огромному окну. Некоторое время он молча наблюдал за тем, как по улице проезжают вереницы машин, снуют люди.

Гафур так и стоял на том самом месте, рядом с офисным креслом, где и застал его араб. Он даже не убрал в карман сотовый телефон, по которому говорил с Кривым. Рубашка насквозь промокла и прилипла к спине. Шея от напряжения ныла, а в горле давно пересохло, но он не решался выпить воды.

– Сейчас срочно выступишься с Питоном. Какая у вас задача, я расскажу тебе по дороге в аэропорт. Через три часа у меня рейс на Дубаи. Приготовь надежную машину и человека, который слышит только тогда, когда ему прикажут это делать.

– У нас все такие, – слегка склонив голову, ответил Гафур.

Но Камаль уже вышел из кабинета. В приемной из кресел поднялись двое его телохранителей, и через пару минут серебристый «Линкольн», все это время стоявший на автостоянке компании, плавно выехал на шоссе.

Наблюдая в окно за тем, как машина, словно крейсер, набирает ход, Гафур чувствовал себя раздавленным и униженным. Камаль не только говорил с ним как с мальчишкой, он даже не удосужился поприветствовать его, как это принято на Востоке. Гафур понял, что, допустив единственную ошибку, перешел в разряд самой низшей группы людей. Подобных тем, которых использовали в лагерях подготовки для упражнений в стрельбе и отработки навыков обращения с холодным оружием.

Глава 2

Генерал Родимов стоял на краю котлована, с задумчивым видом наблюдая, как по самому дну, перемешивая колесами грязь, ползет груженный зелеными ящиками «Урал».

Филиппов, чавкая тяжелыми армейскими ботинками, которые, среди прочего снаряжения, всегда возил в багажнике внедорожника, подошел и встал рядом.

– Ну и вид у тебя, подполковник, – грустно усмехнулся генерал, окинув подчиненного взглядом. – Костюм от Гуччи, а ботинки... Ты бы еще болотные сапоги надел.

– У вас не лучше, – Антон покосился на утопающие в грязи туфли генерала.

– Да, – протянул Родимов, – мы с тобой друг друга дополняем. Что думаешь по этому поводу? – Лицо генерала сделалось серым от злости. – Неужели нам в центре Москвы хотели Нью-Йорк устроить?

– Это не террористы, – уверенно заговорил Антон. – Ящики, конечно, в идеальном состоянии, и маркировка у них сорок первого года, самая ходовая сейчас, однако при детальном осмотре капитаном Дорофеевым было обнаружено, что изоляция на проводах от электродетонаторов разрушена от времени. Петли на замках крышек сильно проржавели. Ко всему прочему, это хозяйство было замуровано в середине прошлого века хорошим бетоном.

Родимов развернулся к Антону всем корпусом и, видимо, забыв, что стоит в грязи, едва не поскользнулся.

Антон поддержал его рукой за локоть.

– Дорофеев один осматривал? – Родимов заглянул в глаза Антону.

– Сами же знаете, – Антон виновато отвел взгляд в сторону, – там взрывотехники ФСБ, эксперты разные, саперы. У каждого свои интересы. Сам не стал соваться. Но Дрону я доверяю.

– Значит, все это с войны, – сокрушенно вздохнул генерал. – Предполагал, что когда-то аукнется.

– Вы о чем? – Антон с интересом посмотрел на генерала.

– Тротил при товарище Берии заложили. Когда возникла угроза сдачи Москвы, была создана особая команда, состоящая из саперов-подрывников. Вернее, это произошло даже раньше. В задачу этих людей входило подготовить к взрыву жизненно важные народнохозяйственные объекты. Столицу, как тебе известно, мы отстояли, а закладки не обезвредили. Шут его знает, где они еще есть.

– А команда? – Антон удивленно посмотрел на генерала. – В конце концов, архивы...

Родимов посмотрел на Филиппова как на несмышленного ребенка:

– Тех, кто это делал, в живых уж точно не оставили, а с ними и архивы, – он постучал указательным пальцем по голове. – Понимаешь?

– Ну и чего вы нервничаете? – удивился Антон. – Пусть саперы, инженеры и ФСБ теперь ищут, где и что еще заминировано. При чем тут наша контора?

– Есть версия, что о планах подготовки города к подрыву и оставленных со времен войны коммуникациях узнали террористы. Смежники не исключают, что после того, как о находке заговорили в СМИ, они начнут работу в этом направлении. Ты примерно представляешь, что будет, если эти уроды найдут центральный пункт управления?

Антон присвистнул и ненадолго задумался. Потом почесал затылок и, как бы невзначай, заметил:

– Кремль точно в списке был первым.

От этих слов генерал позеленел, но промолчал. Ответить было нечего.

Разбрызгивая грязь, подъехал «уазик» управления. Из него вышли Туманов и Полинцев. Антон удивленно посмотрел сначала на них, потом на шефа:

– То, что меня сюда вызвали, я понимаю, а эти-то здесь зачем? Они что, не видели, как тонна тротила в дым превращается?

Генерал посмотрел на Антона тяжелым взглядом.

– Ты что, подполковник, еще не протрезвел? Ты как разговариваешь?

Антон поймал себя на мысли, что действительно выпитый с вечера алкоголь в совокупности с ранним пробуждением от телефонного звонка дежурного по управлению до сих пор играют с ним злые шутки.

«Теперь понятно, как люди дураками делаются», – безрадостно подумал он.

Никто, никогда из офицеров и прапорщиков спецназа не говорил с Родимовым в таком тоне. Впрочем, как и с Антоном его подчиненные.

– Виноват, – Антон старался не смотреть в сторону шефа.

– По линии ФСБ удалось установить имя офицера, который занимался в числе других подготовкой объектов к уничтожению, – заговорил генерал глухим голосом, когда оба спецназовца остановились напротив него. – Только одно «но», – генерал выдержал паузу, словно желая, чтобы Антон договорил за него, и вздохнул: – Год назад он умер. Прямо на восьмое марта. Однако остались жена, внуки, дети. Может, в конце жизненного пути он рассказал им нечто такое, что может нам пригодиться. Вдруг найдется какая-нибудь записка, старая полевая сумка, сосед, с которым он в домино играл... В общем, не мне вас учить. Выезжаете немедленно. Это Калуга. Свяжитесь с Линевым, адрес у него. Все, выполняйте. – Дождавшись, когда офицеры почти бегом бросились к машине, генерал перевел взгляд на Антона. – Ты будешь пока помогать мне думать здесь.

– Разрешите убыть в архитектурный институт. – Хмель после взбучки улетучился, и Антон понял, что положение достаточно серьезное. – Мне нужен план застройки того периода. Я попытаюсь определить, какие объекты, по мнению Политбюро, подлежали уничтожению в первую очередь.

– Вот! – генерал расцвел. – Вижу теперь не алкаша со съехавшей крышей, а самого Филина. Валяй.

* * *

Шамиля и Вахида сигнал «сбор» застал за завтраком. У обоих был хмурый вид. Чеченцы почти никогда не пили спиртного, и сейчас у обоих болели головы.

– Неужели Родимов сдержал слово и решил устроить нам пробежку? – надевая футболку, пробормотал Шамиль, прозванный в группе Шаманом.

– Не знаю, – натягивая туфель, прохрипел Джабраилов. – Все может быть.

Третий виновник состоявшегося накануне торжества, брат Шамана Иса, жил отдельно. Выдавая себя за коммерсанта, он обосновался у какой-то медсестры в районе Химок.

– Ну что, – критически оглядев себя в зеркале, Джин открыл дверь, – пошли.

Выйдя из подъезда, чеченцы заметили стайку подростков, сидевших на ограждении детской площадки. Краем глаза Шаман заметил, как один из них толкнул своего соседа локтем в бок, и тот, кивнув в ответ, стал набирать на сотовом номер.

Проскочив двор, они свернули в проезд старинного дома, за которым была автострада. Однако, сделав всего несколько шагов, оба встали. Перед ними, перегородив проход, позвякивая цепями, стояла группа крепких парней с типичной для скинхедов внешностью.

– Чего вам надо, ребята? – Джин с миролюбивым видом развел руками.

Драка сейчас была ни к чему. Нужно было срочно ехать.

– Это ты, черномазый, у нас спрашиваешь? – кривя губы, прохрипел самый рослый и сделал шаг вперед.

На руке этого парня Джин заметил кастет.

- Что мы вам плохого сделали? – вступил в разговор Шаман.
- Ты, тварь чумазая, знаешь, что эта земля для русских?
- А я что, у вас ее забираю? – удивленно воскликнул Джин.

Вахид уже понял, что «скины», вычислив их квартиру и один и тот же маршрут движения до остановки, караулили их с одной лишь целью – если не убить, то отделать «по-взрослому».

– Придется прорываться, – обращаясь к Шаману на родном языке, сказал он и двинулся на толпу.

Первому преградившему путь парню Джин врезал в основание челюсти, и того отбросило к стене. Второго «обработал» Шаман. Уйдя под локоть летевшей в его лицо руки с надетым на нее кастетом, он сунул верзиле в печень, перехватил локтевой сгиб и, развернувшись к нападавшему спиной, словно спичку, переломил его о свое плечо. Опустившись на одно колено, чем напрочь сбил с толку очередного бритоголового качка, Джин молниеносным ударом кулака правой руки между ног нападавшего сложил его так, что несчастный достал лбом носков своих ботинок на толстой подошве.

Нечеловеческий крик, усиленный стенами проезда, заставил оставшихся замереть на месте.

Цель скоротечного боя достигнута. Путь был свободен. Отморозки явно не рассчитывали на такой оборот дела и почтительно расступились перед направившимися дальше «нерусскими».

Один остался лежать у стены, не подавая признаков жизни, второй катался по грязному асфальту, зажимая локоть, и голосил так, словно его медленно распиливали ржавой пилой. Оба, по всей видимости, были самыми авторитетными и сильными членами группировки. Третий, держась за гениталии, скорчился, и от напряжения, казалось, вот-вот лопнет.

– Уф! – заскочив в подъехавший трамвай, Шаман вытер со лба пот. – Они этого так не оставят.

– Тогда придется всех переломать, – процедил сквозь зубы Джин. – Но квартиру я менять не буду.

– Интересно, – слегка придя в себя, Шаман вопросительно посмотрел на своего товарища, – а как они в больнице объяснять будут, кто их так?

– На нас свалят, – хмыкнул Джин. – Вот увидишь: «Злой чеченец бегал по двору с большим ножом, пока не догнал, а потом бил...»

Оба рассмеялись.

* * *

Питон, он же Одес Тарамов, был родом из Грозного. Имел высшее образование, много воевал. Именно к нему тянулись ниточки от каждого боевика. Он был в команде главным кукловодом. Выше него только Гафур.

Среднего роста, с глубоко посаженными глазами и дугообразными бровями, одна из которых была рассечена напополам, чеченец обладал незаурядными организаторскими способностями и легко мог подчинить себе волю другого человека. При обсуждении его кандидатуры для отправки в Москву именно эти качества заставили забыть о шраме, который мог вызвать массу вопросов у тех же милиционеров. Было решено говорить, что просто когда-то попал в аварию на машине и, сидя на пассажирском сиденье, вынес головой лобовое стекло.

– Слушайте меня внимательно, – Камаль сидел между Питоном и Гафуром на заднем сиденье «Вольво», перебирая четки и отрешенно глядя через окно на проносившиеся мимо дома Подмосковья. – Случай, когда при разборке старых зданий в Москве находят боеприпасы или взрывчатку, – не единичный. Просто на этот раз весть получила широкую огласку ввиду значимости сносимого здания. Оно считалось одним из символов столицы. На самом деле,

когда началась война, русские заминировали очень много заводов и фабрик, а вместе с ними и крупные дома, расположенные в центре города и, как мне кажется, станции метро. Все работы были выполнены в строжайшей секретности. Сам принцип закладки зарядов был основан на разработках эмигрировавшего в Турцию царского офицера инженерной академии полковника Мальцева. Еще в Первую мировую войну русские были готовы к подобному развитию событий, и ими был подготовлен целый проект под названием «Карточный домик».

Нашим людям удалось разыскать правнучку этого офицера. Они представились историками из России, и она передала нам его труды, где описано, в каких местах лучше всего укладывать тротил, как маскировать. Обнаружив хотя бы одну закладку, по проводам можно выйти к месту, откуда он подрывается.

– Но ведь прошло столько лет, – Гафур удивленно посмотрел на старика. – Все провода давно истлели...

– Не забывай, в какие времена и под каким контролем все это делалось. Половина, но сработает. А это страшная катастрофа, – Камаль развернулся к Питону: – Одес, прямо сейчас допроси майора, которого взяли наши русские друзья, выжми из него все, что он знает по этому делу, а потом устрой так, будто его смерть была случайной.

– Я сделаю, как вы сказали, хозяин, – слегка наклонив голову, заверил чеченец. – Этот неверный расскажет все, что знает и даже не знает, а его смерть не доставит проблем.

– Ну, мне пора, – машина уже замедляла ход у ступеней аэропорта. – Да поможет вам Аллах.

По тому, как Камаль говорил с Питоном, Гафур догадался, что старик ценит чеченца, и почувствовал, как в его груди шевельнулась ревность. Возможно, это сыграло основную роль в том, что, пока они ехали обратно, он поставил Питону гораздо больше задач, чем на сегодняшний день требовала обстановка. Не забыл даже обязать его проверить, как устроилась и чем занимается старшая женского крыла их организации Замира Абдурахманова, вдова довольно известного в свое время полевого командира.

Высадив шефа, Питон устремился выполнять поручения. Поменяв в одном из дворов презентабельный «Вольво» на обыкновенную, в нескольких местах битую старушку «БМВ», они на пару с Аюпом Дигаевым, подвижным сорокалетним чеченцем, выдвинулись в направлении деревни Козино, расположенной в тридцати километрах от Москвы. Именно там ожидал своей участи майор по имени Николай.

* * *

Данила Линева поджидал Туманов и Полинцева, как всегда, на одной из конспиративных квартир, определенных для использования в рамках «Антитеррор». Он был в майке и шортах. На ногах тапочки. С первого взгляда и не скажешь, что этот коренастый русоволосый молодой мужчина с широковатым носом является сотрудником ФСБ, майором, и входит в состав специального подразделения по борьбе с терроризмом.

– Заползайте, – открыв двери и освободив проход, кивнул он в сторону зала.

В одной из трех комнат был оборудован так называемый информационный центр, с компьютерами, факсами и прочей аппаратурой, позволяющей даже, в исключительных случаях, прослушивать отдельные номера сотовых телефонов и определять координаты их работы. Всем этим хозяйством заведовала Таня – лейтенант того же ведомства, что и Данила.

Невысокая кареглазая брюнетка свела с ума все мужское население дома. По легенде, эта квартира принадлежала ей. Частенько наведывающийся Линева слыл женихом. Однако от воздыхателей все равно не было отбоя. По известным причинам в квартиру она никого не могла впустить. Но, тем не менее, находились такие отчаянные парни, что пытались даже спуститься к ней на балкон через крышу. Руководство штаба уже не раз подумывало поселить здесь вме-

сто нее такую особу, от которой мужики бы попросту шарахались, как черт от ладана, однако от такой замены удерживало нежелание обидеть какую-либо другую сотрудницу своего ведомства.

Туман устало опустился в кресло, Полынь для приличия заглянул к Танюшке и даже чмокнул ее в щеку.

Занятая приемом какого-то факса, она лишь отмахнулась.

– В общем, так, мужики, – прыгая на одной ноге посередине комнаты, а на вторую натягивая штанину джинсов, заговорил Данила, – я тоже с вами поеду.

– Что, не доверяешь? – хмыкнул Полынь, плюхнувшись на диван.

– Дело не в этом, – Данила наконец справился с джинсами и принялся натягивать носки. – Просто с моей конторой легче на контакт люди того поколения идут.

– Понятно, – протянул Полынь. – Мы, значит, рожами не вышли. Тогда бы и ехал один. Зачем шеф нас с тобой отправил?

– Нужно будет много людей обработать, – Данила посмотрел сначала на Полынцева, потом на Туманова. – Может, в последнее время с кем выпивал и сболтнул, или в домино перекидывался да разговорился. Мы же абсолютно никакой информацией не располагаем о последних годах его жизни. Ну что, по коням?

Был полдень, и из Москвы выехали быстро. За рулем сидел Полынцев, которого развлекал разговорами Линева, а Туман дремал на заднем сиденье.

После дождя сильно палило солнце, и даже открытые окна не спасали от духоты. Через час проскочили Обнинск, а это почти полпути до Калуги. Машина была не ахти какой, кроме того, в салоне сильно шумело.

– А что вам шеф посерьезней тачку не дал? – Линева вопросительно посмотрел на Полынь.

– Эту под списание подогнать решили, – прокричал ему в ухо капитан. – Все равно, лучше, чем БТР.

Оба рассмеялись. Сзади заерзал Туман. Полынь посмотрел на него в зеркало заднего вида. Друга явно мучила жажда после состоявшегося накануне похода в «Скалу». Припав к горлышку прихваченной в дорогу бутылки минеральной воды, тот с жадностью пил.

– Полынь! – крик Линева заглушил свист резины разворачиваемого какой-то неведомой силой поперек дороги «уазика». Полынцева вначале прижало всем телом к двери так, что ему на какое-то мгновение показалось, что он попросту выдавит ее сейчас плечом, затем последовал резкий удар, и все утонуло во мраке и звоне битого стекла.

Полынь пришел в себя первым и почти сразу. Страшно болела ушибленная о руль грудь, а перед глазами он видел только бок супер-«МАЗа». Тупо уставившись на странную надпись на полуприцепе, он никак не мог понять, кто виноват. Казалось, прошла целая вечность. Из оцепенения его вывел вопль Тумана:

– Куда же он, гад, пер!

Справа закашлялся Данила:

– Приехали.

С трудом открыв дверь, Полынь вышел на трассу. Скрипели тормозами останавливающиеся попутки. Хлопали дверцы машин, водители которых спешили на помощь. Кто-то бежал с аптечкой, кто-то с огнетушителем. Но возгорания не было.

Вся передняя часть их «старичка» была полностью разворочена. Капот и вовсе сложился гармошкой. Они врезались в левое колесо фуры, которая почему-то замерла поперек их полосы.

Медленно открылась дверь супер-«МАЗа», и на дорогу, в буквальном смысле, вывалился водитель. С трудом удержавшись на ногах, он уцепился руками за подножку и тупо уставился на развороченный «уазик».

«Неужели он так мог пострадать? – удивился еще плохо соображающий Полынь. – Такая здоровая машина».

Ясность внес Туман, который сразу разобрался, что к чему. Подскочив к водителю, он схватил его за отворот рубашки, развернул к себе лицом и двинул в челюсть с такой силой, что того оторвало от земли и отбросило на капот остановившейся в нескольких метрах «Субару».

– Пьяная скотина! – медленно надвигаясь на сползшего на асфальт дальнбойщика, с явным намерением добавить ему еще, прохрипел Туман. – Ты чуть троих человек на тот свет не отправил!

Положение спасла владелица иномарки, остановившей полет водителя. Вылетев на дорогу, женщина начала дико кричать, что ее машина ни при чем, и если у кого-то есть желание покалечить негодяя прямо здесь, то пусть бьют его о свои автомобили.

– Прямо в пяти метрах резко на нашу полосу вывернул. Хорошо еще, что мы едва тащились, – прижав к разбитому лбу носовой платок, проговорил Линеv. – А ты тоже хорош. Нет чтобы за дорогой следить... Так бы успел съехать на обочину.

Присев на корточки, Полынь, морщась от боли в груди, вынул сотовый телефон и стал набирать номер ГАИ.

* * *

Кривой и Дыба дожидались Питона в частном доме, который заранее сняли у одинокой глухой старухи на самой окраине небольшого и тихо умирающего села Козино.

Молодежь, едва почувствовав себя самостоятельной, бежала отсюда в близкую и манящую столицу, а мужики, по причине развала колхоза, почувствовав себя никому не нужными, тихо спивались и «переезжали» на кладбище. Доведенные же до отчаяния бабы нянчили внуков, которых «подбрасывали» дети, да трудились на собственных огородах. Кому повезло, те работали на ферме, уже давно считавшейся нерентабельной.

Майор оказался только с виду дряблым и безвольным. За время переезда он пытался выбить окно машины ногами, один раз набросился на сидевшего за рулем Дыбу, в надежде, что, потеряв управление, тот попадет в аварию. Дружкам пришлось отъехать от трассы и, оглушив его специально прихваченным для таких целей резиновым молотком, вколоть сильнодействующее снотворное. По идее, в сочетании с алкоголем, оно должно было свалить служивого, но тот лишь обмяк, и всю дорогу, пуская слюни, что-то бормотал себе под нос.

Дружки помнили строгое указание Гафура – чтобы на теле офицера не было никаких следов побоев, а в крови отсутствовал наркотик – поэтому действовали с максимальной осторожностью.

Заперев майора в гараже, где периодически навещающий к домохозяйке правнук ставил свою машину, они вошли в дом и теперь скучали перед стареньким телевизором.

Сама бабка возилась в огороде. В комнаты, за которые ей хорошо заплатили, не входила, ограничившись тепляком, куда, как она говорила, всегда переезжает на лето.

– Интересно, – сидевший на стареньком диване Дыба вытянул ноги и посмотрел на Кривого, – а как Питон этого сапера разговорить собирается, если Гафур сказал, чтобы следов побоев не было? От денег он отказывается, а стоит развязать руки, так тут же бросается, хоть и приплющило его после укола и водки.

– Наверное, у Питона какой-нибудь препарат есть, – пожал плечами Кривой, не отрывая взгляда от экрана телевизора. – Не наша проблема. Не продаст он ни грамма, если мы с ним чикаться будем.

Рядом с домом раздался едва различимый скрип тормозов. Переглянувшись, оба поделенька подошли к окнам, заставленным горшками с геранью и алоэ.

От калитки через двор уже шел Питон и какой-то незнакомый парень с оттопыренными ушами. Он оживленно о чем-то рассказывал чеченцу, размахивая руками, тот делано смеялся.

– А это что еще за чудо? – удивился Кривой.

– Какой-нибудь специалист по причинению боли без следов, – с иронией в голосе ответил Дыба.

В это время «БМВ», за рулем которой остался Аюп, развернувшись, вновь выехала на дорогу.

Питон прошел в дом, пропустив вперед себя незнакомца.

– Заходи, дарагой, – он указал место за кухонным столом. – Сейчас заправим машину и через час будем в твоём Можайске. Вот, попутчика прихватил, – обращаясь к вышедшим из комнаты бандитам, улыбаясь, объяснил чеченец. – Это мои друзья, о которых я говорил, – пояснил он ушастому.

– Сергей, – представился, застенчиво улыбнувшись, парень. Затем, спохватившись, встал, пожал руки Дыбе и Кривому, которые, не понимая, в чем дело, промямлили в ответ какие-то на ходу придуманные имена.

«Педик», – брезгливо подумал Дыба.

«Студент», – сделал вывод Кривой.

– Пойдем, – Питон показал Дыбе взглядом на двери, – покажешь мне свое приобретение.

Гараж был сделан из листового железа и раскалился на солнце. Когда Дыба открыл дверь, их обдало жаром словно из печи.

Майор сидел, привязанный обеими руками к металлическому стеллажу. Рот был заклеен скотчем. Военный долго шурился от яркого света, пытаясь вытереть о плечо выступившие на глаза слезы.

– Он запястья не натер? – заволновался Питон, присаживаясь перед пленником на корточки.

– Не должен, – Дыба подошел и встал рядом. – Видишь, мы ему под веревки мягкую резину положили.

– По голове били?

– Так, резинкой, – отмахнулся Дыба. – Даже шишки нет. Наркоз Древнего Египта.

– А ты что, там был? – усмехнулся чеченец и отклеил скотч от рта пленника. – Побрить его надо, прежде чем второй раз клеить будете.

– Понял, – вздохнул Дыба.

– Майор, – Питон хлопнул пленника по щеке, – ты меня слышишь?

– Да.

– Говорить будем?

– Сдохну, но продавать ничего не буду, – замотал головой офицер.

– Я думал, такие только в кино бывают, – обращаясь к самому себе, пробормотал не без восхищения Питон.

– У нас вся армия такая...

– Слушай, а никто и не заставляет тебя закон нарушать, – чеченец посмотрел на Дыбу, затем вновь перевел взгляд на офицера. – Ты нас не так понял. Нам совсем тротил этот не нужен.

Майор удивленно посмотрел на чеченца:

– Вы меня что, просто сожрать решили?

– А ты шутник, – усмехнулся Питон и выпрямился. – Расскажи все, что тебе известно о закладках. Кто владеет информацией, в каких архивах есть документы. В общем, все о подготовке Москвы к взрыву, когда на вас Гитлер напал.

– Так вот кто вы такие! – протянул майор, уже более внимательно разглядывая лицо Питона. – А я еще думаю, почему у тебя акцент кавказский. Ничего не знаю! Нашли ящики, и баста.

– Хорошо, – спокойно ответил Питон. – Сейчас мы будем пытаться на твоих глазах лейтенанта ФСБ. Он тоже дураком прикидывается. Все, что мы сделаем с ним, потом повторим с тобой. Пошли, – обращаясь уже к Дыбе, который ровным счетом ничего не понимал, командовал чеченец.

– А где вы этого лейтенанта откопали? – громким шепотом спросил Дыба, когда двери гаража закрылись.

– Какой такой лейтенант? – брезгливо усмехнулся Питон. – Студент медицинской академии. Домой к маме на выходные ехал. Попросил подвезти. А я как раз человека искал. Сейчас он такое мяукать будет! Надо ему надлежащий вид придать, а потом волоките его в гараж.

Спустя десять минут избитого до неузнаваемости парня втащили в гараж, где сидел офицер. Бросили на пол. Питон, следя краем глаза за майором, ударил ничего не понимающего студента, которого избили еще в доме, дабы придать необходимый вид, по спине обрезком арматуры.

Взвыв, тот что-то запричитал, глотая окончания слов.

– Еще раз спрашиваю, у кого карты?

– Не...

Питон не дал закончить фразу и ударил по бедрам.

Парень вскрикнул и сник.

– Зажги паяльную лампу, – Питон ткнул арматурой в грудь Дыбы. – А ты, – он перевел взгляд на Кривого, – готовь хороший нож. Мне кажется, жить он не хочет, а таким голова не нужна.

– Может, просто электролит в уши закапаем? – неожиданно предложил Дыба. – А то тут и так жара.

– А как он будет мои вопросы слышать, ты не подумал? – зло прошипел чеченец. – Да и мозги у него почти сразу расплавятся. А мне душевный разговор надо.

Через пять минут несчастный студент сипел, хватая широко открытым ртом воздух. Брови, ресницы у него обгорели. Направивший в лицо парня струю огня Питон от удовольствия даже высунул язык. Периодически отводя паяльную лампу в сторону, голову студента обливали водой из принесенного с собой ведра и задавали нелепые вопросы. Парень нес какую-то околесицу. Снова приступали к экзекуции. Пространство гаража со спертым воздухом наполнил отвратительный запах горелого мяса. Наконец один глаз несчастного лопнул и вытек.

– Все, – Питон устало вытер со лба пот. И в без того нагретом гараже от работавшей лампы стало совсем невыносимо.

Майора, которому все это время Дыба держал голову таким образом, чтобы тот видел все происходящее своими глазами, вырвало.

Когда еще подающему признаки жизни парню Питон хладнокровно перерезал горло, офицер практически находился в полубоморочном состоянии.

– Сейчас я отдохну и буду говорить с тобой, – вытирая кативший с лица градом пот прихваченным из дома полотенцем, тяжело дыша, проговорил изверг.

– Я знаю только то, что в Калуге жил человек, – слабым голосом заговорил пленник, – который в начале войны командовал подразделением, занимавшимся минированием зданий. Это был единственный доживший до наших дней носитель информации. Фамилия Сабанин... Еще слышал, что он на восьмое марта скончался...

– Хороший подарок жене, – съязвил Кривой.

– Точно больше ничего? – нахмутив брови, переспросил Питон.

– Точно, – одними губами проговорил майор. – И то случайно узнал, когда весь оперативный штаб собирали... Так что зря старались!

– Дай ему водочки, – обращаясь к Дыбе, распорядился Питон. – Пусть в себя придет. И отвяжите его.

* * *

К тому моменту, когда Джин вместе с Шаманом приехали в управление, вернувшийся с полигона Родимов уже успел привести себя в порядок. Он принял душ и надел форму.

В просторном кабинете было прохладно, и после уличной духоты, сутолок в трамвае и метро, «общения» со скинхедами оба почувствовали облегчение.

Стол генерала с монитором компьютера и старинным письменным прибором стоял перпендикулярно столу для совещаний, который тянулся почти через все помещение. Справа от кресла шефа находилась доска для маркеров. Слева – подставка с несколькими телефонами и селектором, за которой стоял флаг России, прямо над головой располагался герб. Вдоль одной из стен – карты, зашторенные плотным материалом черного цвета. Напротив – четыре огромных окна с зелеными портьерами.

Чеченцы еще не были в курсе причины их вызова, но, увидев шефа в генеральском мундире, насторожились.

Сами они были в гражданской одежде, поскольку, по сложившейся традиции, все снаряжение офицеров и прапорщиков группы находилось на базе. Вызовы в управление были крайне редки, тем более для чеченцев. ГРУ и руководство объединенного контртеррористического штаба, которому вновь переподчинили их подразделение, не исключало возможности скрытого наблюдения за кавказцами, появляющимися на контрольно-пропускном пункте.

Иса уже был на месте. Он сидел за столом для совещаний, боком к генералу. Когда Шаман и Джин вошли, Родимов, поднявшись, махнул рукой, давая понять, что доклады о прибытии его мало волнуют, и, выйдя из-за стола, сразу перешел к делу:

– Сегодня убываете в Турцию, – выдержав паузу, он указал на уткнувшегося в какую-то папку Ису. – Задачу он уже знает, в курс дела введет. Старший группы майор Джабраилов.

– Есть, – вытянув руки по швам, ответил Джин.

– Весь необходимый материал у капитана Батаева, – он вновь посмотрел на погруженного в текст Ису, который лишь едва заметно кивнул. – Отсюда не выходите, пока не изучите его досконально. Все в моем кабинете. Дежурного офицера и порученца я предупрежу. Документы, билеты уже готовятся. Хорошо запомните легенду. Впрочем, она вам, возможно, не пригодится. Задача предельно проста. Отыскать родственницу бывшего царского офицера и поработать с ней. Осложнения могут возникнуть, если деятельность группы привлечет внимание департамента военной контрразведки или, того хуже, ваших земляков, приезжающих туда, как известно, не чай пить, – генерал вновь выдержал паузу, посмотрел сначала на Джабраилова, потом на Шамиля и вздохнул: – Конечно, для такой специфической деятельности вам в команду нужен человек со славянской внешностью, поскольку придется работать с людьми, любящими Россию, и которые в курсе происходящих у нас в стране событий. Поэтому я дам указание, чтобы в состав группы включили Дорофеева.

После этих слов генерал взял со стола фуражку и вышел.

– Ну, чего там, брат? – подсев к Исе, настороженно спросил Джин.

– Ничего особенного, Вахид, – Иса передвинул к нему папку. – Я не знаю, почему так волнуется шеф. Нам попросту надо попытаться собрать максимум информации по еще дореволюционному проекту «Карточный домик».

Спустя час офицеры-чеченцы уже поняли: первое впечатление Исы было обманчивым. Если сама работа и не требовала особого риска, то ее результаты имели большое значение для

работ по ликвидации «забытой» системы подрыва жизненно важных объектов столицы времен Второй мировой войны.

Живший в начале прошлого века полковник Мальцев занимался вопросами разрушения зданий, мостов и железнодорожных узлов минимальным количеством взрывчатки с учетом их конструктивных особенностей, материала и прочих нюансов, влияющих на прочность строений. Стремительное наступление немцев вынудило правительство СССР трезво оценить обстановку. Сталин не исключал сдачу Москвы. Именно в тот период времени в Куйбышеве готовилась запасная резиденция «вождя всех народов», а столица должна была стать городом смерти для оккупантов. Взрывчатка закладывалась с учетом расчетов Мальцева. Сейчас забытые ввиду научно-технического прогресса разработки были нужны только для того, чтобы найти оставшиеся заряды, а через них выйти на центральный пункт управления. Сделать это через закладку, обнаруженную под гостиницей «Столичная», не удалось. Провода были оборваны экскаватором, и все попытки найти концы в лабиринтах подземных коммуникаций не принесли результатов.

– Оказывается, многие в этом городе в прямом смысле живут на пороховой бочке, ничего об этом не подозревая, – почесал лоб Шаман.

По легенде, все трое – боевики полевого командира Гурно Гачиняева, убитого прошлой осенью. Проходили лечение на территории Грузии, затем в Стамбуле. Тем более, у всех троих уже имелись шрамы от полученных в ходе спецопераций ранений. Цель приезда в Турцию – войти в контакт с экстремистскими группировками для того, чтобы продолжить борьбу против неверных.

* * *

Надежно спрятав труп несчастного студента в окрестностях Козино, изобилующих болотами и реками, Кривой, Дыба и Аюп под руководством Питона для начала накачали отравленной водкой ставшего ненужным майора. Дождавшись, когда он практически впадет в кому, офицера перевезли в Москву и оставили на скамейке во дворе дома старой постройки в квартале от того места, откуда утром и забрали. Причем сделали это как заботливые друзья. Осторожно вытащили из машины и пристроили так, будто сильно перебравший военный просто уснул. На тот момент, когда Кривой надевал ему на голову кепку, пульс у несчастного уже отсутствовал. Во двор на машине они въезжать не стали, на всякий случай оставили ее на улице, поэтому, критически осмотрев результаты своего труда, преспокойно ретировались. Майор остался сидеть, положив руку на подлокотник деревянной скамейки, спиной привалившись к полусгнившей спинке. Голова свисала на грудь, а рядом, на расстеленной газете, стояла недопитая бутылка «Столичной», лежали аккуратно нарезанная колбаса, хлеб и валялись два пластиковых стаканчика.

– Сейчас в Калугу, – усевшись на переднее сиденье, скомандовал на чеченском языке Питон.

Дыба и Кривой за время, проведенное в Чечне, хорошо выучили этот язык, и если Аюп, привыкший не задавать лишних вопросов, лишь кивнул, поворачивая ключ в замке зажигания, то Дыба удивился:

– А какой смысл? Он же копыта откинул, этот, как его?

– Сабанин, – напомнил Кривой.

– С родственниками пообщаемся, наверняка он что-то рассказывал им. Может, есть в доме схемы, – не оборачиваясь, ответил Питон уже на русском.

– А как мы его родню искать-то будем? – Дыба в конце растерялся. – Калуга – это не какой-нибудь хутор. Тем более, ни имени, ни отчества не знаем.

– Через кладбища, – лаконично ответил Питон.

Спустя два часа езды, уже проехав больше половины пути, они попали в небольшую пробку. Машины до минимума снижали скорость, протискиваясь по команде регулировщика мимо стоявшего поперек дороги «Супермаза» и разбитого «уазика».

– Вот кто-то попал! – не без восхищения проговорил Дыба. – Интересно, а чего это дальнобойщика на встречную выбросило?

– Наверное, уснул за рулем, – выдвинул предположение всю дорогу молчавший Аюп. – У них это частенько бывает.

– Или нажрался, – зевая, проговорил Кривой.

– В вашей России одни дебилы, – неожиданно зло прошипел разомлевший от жары Питон. – С вами воевать-то скоро будет неинтересно. Все перепьетесь, переколется и сами сохнете...

– Зачем ты так, Одес? – назвав по имени босса, обиделся Дыба. – Значит, я и Кривой, по-твоему, такое же быдло?

– Вы хуже, – Питон усмехнулся, – и знаете почему.

– Там, – имея в виду Чечню, заговорил Кривой, – ты мне об этом не говорил!

– Не горячись, – Питон перешел на более миролюбивый тон. – Я пошутить хотел и не подумал о том, как вы это воспримете.

– Питон, а, между прочим, я не предатель, – не унимался Кривой. – Мы все, и я, и ты, в одной стране живем. Взгляды просто разные. Это гражданская война, а не резня между русскими и кавказцами. С двух сторон одинаковое количество и мусульман, и христиан. Поэтому не делай больше таких намеков.

Дыба притих. Он не ожидал, что его дружок осмелится сделать нравоучение самому Одесу Тарамову. Человеку, чье имя приводило в трепет многих его земляков. Но, как ни странно, чеченец не стал хвататься за оружие и даже не повысил голос:

– Кривой, я же сказал тебе, это был глупый шутка! – растягивая слова, стал оправдываться тот. – Извини.

Раньше за Питоном такого не наблюдалось. Дыба пришел к выводу, что тот понял, чем может обернуться обыкновенная обида здесь, в России, и он уже был не рад тому, что попытался унижить русских, делающих с ним одно дело.

В Калугу приехали во второй половине дня и, пару раз тормознув, быстро выяснили у случайных прохожих, где находится основное городское кладбище. Полчаса ушло на то, чтобы отыскать на огромной территории бригаду могильщиков. Изрядно подвыпившие и грязные, как черти, они копали землю, словно роботы.

– Э-э, ребята, – Питон присел на корточки перед прямоугольной ямой, на дне которой стояли двое мужиков с лопатами. – Где ваш директор?

– А зачем он тебе? – закуривая сигарету, спросил один из них.

– Могила человек один найти надо, – чеченец обвел взглядом лес окружавших его крестов и памятников. – Есть же документ, кто где лежит?

Мужики дружно усмехнулись. Работавшие в соседней яме перестали махать лопатами и с интересом уставились на странного посетителя.

– Есть такой учет, – прокашлявшись, ответил тот, что был с сигаретой. – Только нет того человека, который им занимается. А так попробуй разбери, кто где похоронен...

– Так что же делать? – Питон растерялся.

– А вы скажите, на каком участке в марте хоронили, мы сами найдем, – неожиданно вступил в разговор Дыба.

– У-у, – протянул самый молодой землекоп, выбравшийся из соседней могилы. – Это на словах никак. В день по столько жмуrow привозят, так что за месяц метров на пятьдесят границы кладбища смещаются.

– Ну, так покажи, – хмыкнул Кривой. – Мы заплатим.

- Ты знаешь, – парень оглянулся на своего напарника, – нас и так не плохо кормят.
- Очень надо, поэтому мы в долгу не останемся, – пообещал Питон.

Кладбище располагалось на территории лесного массива. Через десять минут ходьбы по лабиринтам тропинок между оград могильщик встал у деревянного, покосившегося креста:

– Вот от этого места, два ряда, – и, показав направление рукой, добавил: – Оба упрутся в овраг.

После того, как он ушел с пятисотрублевой купюрой в кармане, Питон, Дыба и Кривой пошли между могилами, внимательно изучая надписи.

– Вот же гад! – не выдержал Дыба. – За десять минут пятихатка!

– Не кипятись, – продолжая шарить взглядом по надписям, успокоил его Кривой. – Я эту систему знаю. Он здесь в сутки такие бабки зашибает, тебе и не снилось.

– Что, после разборок братков хоронят? – усмехнулся Дыба.

– Тут вариантов море, – не обращая внимания на иронию друга, продолжал Кривой. – Приезжают, например, родственники, с любимым папаней распрощаться, а гроб в могилу не проходит. Время поджидает. Дома поминальный стол. А мужички в это время из себя сильно занятых строят. Времени нет на устранение недостатка, который якобы вовсе не по их вине, а из-за грунта. Он, видите ли, здесь сползает. Родственники никаких денег не пожалеют, чтобы перед людьми не опозориться...

– Откуда знаешь? – неожиданно спросил Питон.

Однако ответа не дождался.

– Сабанин Михаил Викентьевич, – голос Дыбы в тишине и сумерках кладбищенского леса звучал торжественно-скорбно. – Тысяча девятьсот двадцатый – две тысячи шестой, пятого марта. Плюс три, значит, хоронили восьмого. Есть!

Переписав данные, вся троица устремилась к оставленной у въездных ворот машине, в которой их поджидал Аюп. До конца рабочего дня оставалось меньше часа, а нужно было еще обратиться в адресный стол.

– А если после смерти сведения о человеке из базы данных убирают? – тяжело дыша, на ходу спросил вполголоса Дыба Кривого.

– Есть еще бюро ритуальных услуг и много других заморочек. Так что не бойсь, – он подмигнул подельнику, – еще часок, другой и адрес его родственников у нас в кармане.

Глава 3

– Ну и марево! – спускаясь по трапу и морщась от яркого солнца, зависшего в самом зените, простонал Дрон. – Папаня пакости придумывает одну хлеще другой.

Шедший впереди него Джин едва заметно улыбнулся. Он догадался, что Василий так назвал Родимова.

В десять они вышли из кабинета генерала в Москве, а уже через шесть часов ступили на турецкую землю.

Вахида не переставала удивлять мобильность их группы, скорости перемещения из одной точки планеты в другую, готовность соответствующих структур в кратчайшие сроки делать не только документы, но и легенды на каждого офицера. В сущности, он догадывался, что эта работа не прекращается ни на минуту, идет сбор, обработка, анализ информации, моделируются ситуации, исходя из политической обстановки, и основная масса вопросов решается заранее. Террористы набираются опыта с каждым днем, и, соответственно, противостоящие им службы должны наращивать свои возможности вдвое быстрее и работать на опережение.

Обязанности были поделены между офицерами следующим образом.

Сняв номера в гостинице «Медаст», Джин с Дроном должны сразу отправиться к правнучке полковника Мальцева. Иса, как человек, имевший неплохие способности к турецкому языку, должен был остаться в номере и по первой команде заказать такси и билеты на обратный рейс. Предполагалось покинуть страну самолетом, но не исключались и другие варианты. Он изучил расписание движения электричек в Болгарию, морских судов в соседние страны. Шаман же, имитируя боевика, ищущего своих «братьев по оружию», должен приготовить своеобразное алиби, на случай, если ими заинтересуется Департамент безопасности. На следующий день утром ему необходимо было проехать в район штаб-квартиры Конгресса чеченского народа, покрутиться там, определить, есть ли слежка.

Турецкая жандармерия, на фоне постоянного противодействия курдским силам сопротивления, вела себя жестко по отношению к тем, чье появление в стране вызывало у нее подозрение. А отработать тему, как выразился генерал, было необходимо в течение минимального времени.

Трехчасовой перелет не измотал спецназовцев. Оставив в четырехместном номере под присмотром Исы тот минимум вещей, который брали в дорогу, все занялись заранее определенными делами.

После гражданской войны русские эмигранты осели на холме Пера. Теперь это район Бейоглу. Туда Дрон с Джином приехали на такси. Выйдя на улице Независимости, Дрон надел солнцезащитные очки и огляделся. Мимо прогремел старинный трамвай, на запятках которого висели подростки.

Перейдя на противоположную сторону, двинулись вдоль невысоких старинных домов с расположенными на первых этажах шикарными бутиками, кофейнями и кондитерскими. Пройдя с полкилометра, свернули в тихий узкий переулок, заваленный мусором, и через пару сотен метров нашли нужный дом.

– Небогато внучка полковника живет, – оглядев снаружи двухэтажный старенький особняк, цокнул языком Дрон. – Этот сарай наверняка еще греки строили.

– Почему так думаешь? – Джин вынул платок и стал вытирать им струившийся по лицу пот.

– Раньше в этом районе жили богатые греки, потом, в семидесятых, когда Турция оккупировала Северный Кипр, они отсюда уехали. А ты что, утром документы по району предстоящих действий не изучил? – удивленно спросил Дрон.

– Пробежал взглядом, – Джин виновато пожал плечами. – Там многое надо было запомнить. Один план города чего стоит.

Несмотря на то, что группа уже не раз работала в Стамбуле, постоянно приходилось заново забивать в мозги карту, которая с каждым годом уточнялась. В Турции царил строительный бум. Появлялись новые улицы и площади, многие организации, переезжая с места на место, меняли адреса.

– Ладно, это не так важно, – похлопал его по плечу Василий. – Пошли.

Особняк, в котором когда-то проживала одна семья, сейчас был разбит на несколько квартир.

Двери открыла подслеповатая сторбленная старушка.

– Вы внучка полковника Мальцева? – поприветствовав женщину, спросил Дрон. – Если не ошибаюсь, Варвара Петровна?

– А вы, наверное, внук энкавэдэшника Дукина? – усмехнулась она. – Шутка.

Женщина говорила с заметным акцентом.

– Мы прилетели из России, чтобы встретиться с вами, – переминаясь с ноги на ногу, стал объяснять Дрон. – Есть ряд вопросов, на которые вы, возможно, можете пролить свет.

– Что-то зачастили гости с исторической родины, – грустно улыбнулась бабулька и указала рукой на вход в комнату.

Переглянувшись, Джин с Дроном прошли в небольшую гостиную, где в основном преобладала старинная мебель. Круглый стол на изогнутых ножках между двумя окнами, заставленными горшками с цветами, секретер, рядом – комод из красного дерева. На стенах фотографии людей в военной форме дореволюционной поры, портреты красивых женщин. В углу иконостас.

– Присаживайтесь. – Дождавшись, когда гости осмотрятся, она указала рукой на почерневшие от времени стулья с высокими спинками, стоящие вокруг стола.

– А где ваш дед? – все еще разглядывая пожелтевшие снимки, поинтересовался Дрон.

– Вот по центру, – она подошла ближе и показала сухим, скрюченным пальцем на бородатого мужчину в офицерской фуражке. – Как я поняла, вас интересуют его работы по проекту «Карточный домик»?

– Да, – разворачиваясь к старушке всем корпусом, подтвердил Дрон. – А как вы догадались?

– Были уже историки из России, – Варвара Петровна развела руками. – Сказали, что восстанавливают справедливость – собирают информацию о выдающихся ученых того времени. – Сокрушаясь, она вздохнула. – Все записи и расчеты я передала им. Они, кстати, неплохо за это заплатили. Поэтому практически ничем уже не могу вам помочь.

Дрон прошел к столу и уселся рядом с Джином:

– А как выглядели эти люди? Когда они у вас были?

– Давайте, я пока поставлю чай, а потом мы поговорим, – предложила женщина, и, не дожидаясь ответа, ушла в соседнюю комнату.

– Дела, – протянул Дрон, многозначительно посмотрев на Джина. – Кто-то нас опередил. Не зря шеф так суетился.

Вахид слегка наклонился в его сторону, чтобы что-то сказать, но тут Дрон приложил палец к губам, давая понять, чтобы тот пока помалкивал. Прислушался. Из-за плотно закрытых дверей, за которыми скрылась хозяйка, доносилась речь женщины. Фраз разобрать было невозможно, да и к тому же она говорила на турецком, но было понятно, что она говорит по телефону.

– Кому эта «барыня» звонит? – насторожился Джин.

Дрон неопределенно пожал плечами:

– Не знаю. Возможно, повторное появление гостей, которые интересуются ее дедом, напугало старушку, и она решила позвонить в полицию.

– Может, уйдем? – заволновался Джин.

– Не для этого ехали, – возразил Дрон. – К тому же документы в порядке, а противоправных действий мы не совершали. Промурыжат и отпустят. Возможно даже, этот вариант нам окажется на руку. Есть шанс хотя бы узнать, кто у нее был.

– Ты прав, – успокоился Вахид. – Они не станут «прессовать» чеченских боевиков.

Вскоре Варвара Петровна вернулась с подносом в руках, на котором стоял чайник, розетка со сладостями и три чашки. Все предметы были явно серебряными, старинной работы.

– Как у вас такую красоту местные власти не экспроприировали? – разглядывая чайную ложку с замысловатым рисунком, хмыкнул Дрон.

– Они же не красные, – вздохнула старушка и принялась разливать по чашкам чай. – Вы не удивляйтесь, что так быстро управилась. Просто буквально перед вашим приходом собиралась почаявничать.

Чай был горьковатый, наверняка из самых дешевых сортов. Чувствовалось, что хозяйка квартиры едва сводит концы с концами.

– А на какие средства вы живете? – пытаясь завязать разговор и подойти к нужной теме с другого конца, спросил Дрон.

– Что вы имеете в виду? – не поняла пожилая женщина.

– Но вот у нас, например, люди вашего возраста получают пенсию...

– Ах, вот вы о чем, – она отставила чашку и грустно улыбнулась: – Сын помогает. Он работает в Каире, на фабрике.

– Варвара Петровна, – Дрон переглянулся с Джином и, собираясь с мыслями, потер мочку уха, – давайте вернемся к нашему разговору о работе полковника Мальцева.

– Ну что я могу вам рассказать о том, что произошло почти сто лет назад? – глаза старухи забегали. Дрон заметил, как, словно бы невзначай, она скользнула по циферблату больших напольных часов. – Вы же понимаете, я женщина, и в военных науках не разбираюсь. Знаю только, что работы касались Петрограда и его оборонительных сооружений... Еще он занимался сносом зданий при помощи взрывов.

– А можете поподробнее рассказать о тех людях, что были у вас? – Дрон пристально посмотрел на Мальцеву.

– Люди как люди, – она затеребила висевшую на отвороте платья брошь. – Двое мужчин...

Настойчивый стук в дверь не дал ей закончить. Как-то сразу съежившись и побледнев, она некоторое время сидела, испуганно глядя на Дорофеева.

– Вы сообщили о нашем появлении в Департамент безопасности? – Он покачал головой. – Зачем?

Ничего не говоря, женщина вышла из-за стола и, втянув голову в плечи, словно ожидая удара в спину, направилась в прихожую.

Дрон быстро достал сотовый и нажал на кнопку автоматического набора номера Исы.

– Слушаю...

– Иса, это Дрон, – быстро заговорил Василий, – у Мальцевой до нас были «гости» по тому же вопросу. Представились историками. Интересовались тем же. Сейчас, по всей видимости, нас будут брать. Доложи...

Договорить он не успел. Раздался звук открывающихся входных дверей. Едва он успел убрать телефон, как тесную комнату заполнили люди в штатском и полиция. На руках разведчиков-диверсантов защелкнулись наручники. Грузный, постоянно вытирающий со лба и шеи огромным носовым платком пот мужчина о чем-то долго говорил с Мальцевой на непонятном

Василию и Вахиду языке, после чего их вывели на улицу и усадили в разные машины, стоявшие прямо у подъезда.

* * *

Сразу с кладбища Питон со своими помощниками отправился в адресный стол. Прибыв почти к самому его закрытию, им все же удалось узнать улицу и номер дома, где проживала жена покойного полковника Сабанина. Спустя десять минут респектабельно выглядевший Кривой уже прошел в подъезд «хрущевки» мимо сидевших на скамейке старушек.

Постояв с минуту на площадке, вышел.

– Извините, – поприветствовав двух престарелых женщин, Кривой рассеянно посмотрел по сторонам. – Вы в этом доме живете?

– Да, – подозрительно прищурившись, ответила полная, с накинутым на плечи платком женщина, – даже в этом подъезде.

– Не знаете, куда Надежда Константиновна могла выйти? А то позвонил, никто не открывает.

– Сабанина Надька, что ли? – переглянулись бабки. – Да мы вот около часа сидим, не проходила.

– А зачем она вам? – спросила вторая старушка, полная противоположность своей пышнотелой подруге.

– Я двоюродный племянник Михаила Викентича. Когда его хоронили, за границей был, приехать не смог. А сейчас вот снова в Москву вернулся, дай, думаю, навещу родственников. Ехать-то недалеко.

– Плохо они сейчас живут, – вздохнула вторая бабка. – Мариночка, дочка ее, от мужа ушла. Сейчас вдвоем перебиваются, внука тянут. Тот в институте учится, за каждый семестр платить надо. Муж Маринкин пьет безбожно. Не помогает. Даже наглости набирается и деньги на похмелье кланчит. Официально-то они не развелись.

– А живет он где? – осторожно спросил Кривой.

– Да в этом же доме, у своих родителей. Они с Маринкой сызмальства дружили. Вместе в школу ходили. Вон, – бабка указала суховатым пальцем на окна первого этажа соседнего подъезда. – Вовкой кличут. Сейчас вместе с отцом на пару пьют.

– Пока был жив Михаил Викентич, Вовка почти не употреблял, – вздохнула полная женщина. – Царствие ему небесное. Уважал зятя тестя. Кровельщиком работал. Да и тот ему помогал хорошо. Пенсия большая. Да еще он до самой смерти сторожем на автостоянке работал.

– Да, хороший был человек, – подтвердила ее собеседница. – Дачу на свадьбу подарил, машину на этого пропойцу оформил. Все говорил, «к чему она теперь мне?».

– Так, может, они сейчас на работе?

– Мариночка воспитателем в детском саду. Скоро подойти должна, а Надежда на пенсии.

– Какая работа в семьдесят пять? – усмехнулась толстушка. – У нее младшая сестра недалеко живет. Может, у нее сейчас.

– Ладно, – отмахнувшись от мухи, разочарованно проговорил Кривой, – пойду пока прогуляюсь. Позже еще раз зайду.

– ...А что бы ты делал, окажись одна из этих старух Сабаниной? – спросил Дыба, после того как вернувшийся в машину Кривой пересказал своим подельникам разговор.

– Они обе дома, – Кривой посмотрел на окна третьего этажа. – Я у дверей некоторое время торчал. Слышал разговор двух баб.

Питон не долго думал над тем, как повернуть дело. Живший по соседству с интересующими его женщинами муж и зять-алкоголик значительно облегчал задачу. При любом раскладе чеченец не собирался оставлять в живых семью полковника.

Экс-супруга дочери Сабанина отправился обрабатывать Дыба. На стук, поскольку вместо кнопки звонка торчали лишь два оголенных провода, двери открыл рыжеволосый детина, на голову выше Дыбы. Старухи были правы: судя по мятому лицу, мешкам под глазами и трехдневной щетине, этот субъект находился в состоянии глубокого похмелья.

– Ты Вовка Чалый? – с ходу спросил Дыба и как бы невзначай дернул пакетом, в котором лежали две бутылки «Столичной».

Услышав знакомое позвякивание, рыжий сглотнул слюну и медленно кивнул.

– Значит, я к тебе. – Бесцеремонно отодвинув хозяина квартиры в сторону, Дыба проскользнул в коридор. – Мне твой адрес один знакомый дал. Так что ты не удивляйся. Меня, кстати, Толиком зовут. – Оглядывая пожелтевшие обои, Дыба протянул руку. – Проблемка есть. Говорят, ты можешь помочь.

– Проходи, – засуетился Вовка, почувствовав, что сейчас его мукам придет конец.

Оказавшись на кухне, Дыба пришел к выводу, что запой у Чалого начались сравнительно недавно. По крайней мере, кухонный гарнитур выглядел современно, хотя был изрядно заляпан, у стены мягко урчал двухкамерный холодильник и даже имелся маленький телевизор.

«Продать не успеет», – с иронией подумал Дыба, выставляя на стол водку.

– Ты один?

– Батя в комнате спит, – поморщился Чалый. – В одиночку пузырь раздавил и теперь тащится.

– Я по какому вопросу, – Дыба присел на краешек табурета. – Заработать хочешь?

– Ну, – приклеившись взглядом к бутылкам, промычал тот.

– Ты, говорят, кровельщик классный, а мне дачу закончить надо. Только ребята предупредили, что для начала тебя из запоя надо вытащить. Сможешь за три дня отойти?

– Без проблем, – доставая из настенного шкафчика рюмки, ответил тот. – А сколько платишь?

– Сколько тебя устроит? – откупоривая бутылку, вопросом на вопрос ответил Дыба.

Завязался разговор. После первых двух рюмок Чалый повеселел. Пил он, почти не закусывая, и быстро хмелел. Задав пару вопросов о предстоящей работе, кровельщик стал хвалиться своим трудовым прошлым.

– А ты, я вижу, парень толковый, – посмотрев на часы, перебил собутыльника Дыба. – У тебя, говорят, и жена с сыном есть?

Чалый вдруг сделался грустным. Как показалось Дыбе, у того даже навернулись на глаза слезы.

– Учится, студент...

– Помогает?

Вместо ответа тот замотал головой, опуская ее все ниже и ниже.

– Знаешь что, – Дыба потряс Чалого за плечо, – я тебе сейчас аванс выдам, а ты, пока на ногах держишься, отнеси его жене. Лады?

– Классный ты мужик, Толян. Я с тобой точно новую жизнь начну...

* * *

В то время, когда Дыба доводил до кондиции Чалого, Питон и Аюп приступили к основной фазе операции.

Пройдя мимо старух, с которыми совсем недавно беседовал Кривой, они смело поднялись на третий этаж. Аюп надавил на кнопку звонка.

– Кто? – раздался из-за дверей голос уже немолодой женщины.

– Здесь Надежда Сабанина живет? – не скрывая кавказского акцента, спросил Питон, с опаской поглядывая наверх.

– Да, это я, – растерянно ответила женщина. – А что надо?

– Мы палатка у вашего дома открываем. Фрукты торговать хотим. Ваши соседи говорят, вы на пенсии. Не хотите подзаработать продавцом? Дом рядом, работа рядом, ходить никуда не надо...

– А сколько платить будете?

– Не на лестница такой вопрос решают! – зная, что за ним наблюдают в глазок, разведя руками, воскликнул Питон.

Щелкнул замок, и двери открыла невысокая полноватая женщина с почти не тронутыми сединой волосами.

– Мама, кто там? – раздался голос из глубины квартиры.

– Проходите. – Настороженно глядя на гостей, женщина посторонилась.

Чеченцы разулись в прихожей и прошли в зал. Сабанина выглянула на площадку и только после этого закрыла двери.

Питон уселся в глубокое кожаное кресло, Аюп на диван.

– Прямо здесь, на улица, – продолжил врать Питон, показав на окно, – груши, виноград, зелень...

Из соседней комнаты вышла симпатичная брюнетка лет сорока с распущенными волосами и, привалившись плечом к дверному косяку, стала с интересом рассматривать гостей, наматывая локон на палец.

– Это моя дочка, Марина, – представила Сабанина. – Вот ребята предлагают подработать. Прямо рядом с домом.

– Ребята не предлагают подработать, – Аюп поднялся с дивана, не спеша подошел к матери, и, неожиданно схватив ее за руку, вытолкнул на середину комнаты. – Мы пошутили.

Женщина вскрикнула и, схватившись за сердце, ничего не понимающим взглядом уставилась на чеченца. Ее нижняя губа затряслась, а лицо покрылось малиновыми пятнами.

Питон достал пистолет и навел его на дочь:

– Нам нужны все документы вашего отца и мужа, полковника Сабанина.

При виде оружия у Сабаниной-старшей, и без того уже перепуганной насмерть, подкосились ноги. Она чуть не упала, но Аюп успел подхватить ее под руки и усадил на диван.

– Закрой балкон и форточки, – скомандовал Питон. – А вы, – обратился он к женщинам, – если поднимите шум, сразу отправлю на тот свет.

Марина, побледнев, отшатнулась от косяка и с криком бросилась к матери.

С проворством дикой кошки Питон схватил ее за талию и повалил на пол. Еще мгновение, и красивый рот женщины был заклеен скотчем.

Матери стало еще хуже. Откинувшись на спинку дивана, она лишь едва слышно постанывала, глядя на происходящее из-под полуприкрытых век.

Аюп выполнил указания Питона и сейчас стоял рядом с круглым старинным столом посередине комнаты.

– Ищи аптечка, – почесав стволом пистолета за ухом, распорядился Питон.

– Где у вас валидол? – Аюп нагнулся над Мариной, которую усадили рядом с матерью.

Поскольку рот ее был заклеен, а руки обмотаны скотчем, женщина взглядом показала на стенку. Открыв дверцу, чеченец без труда нашел лекарства. Вместо валидола он взял валериану, накапал лекарство в рюмочку и направился на кухню разбавить его водой.

Спустя пару минут Сабанина почти пришла в себя. Ее сильно трясло. Было заметно, что она готова закричать, но наведенный на дочь пистолет с глушителем сдерживал женщину.

– Деньги, два золотых кольца в шкатулке, – начала было она слабеющим голосом, но Питон перебил ее:

– Ты что, совсем глупый женщина? – он скрипнул зубами. – Документы, записи, тетради мужа где?

– В рабочем кабинете...

Сначала осмотром занялся Питон, а Аюп, оседлав развернутый спинкой вперед к дивану стул, караулил женщин. Затем, когда Питон собрал все тетради, дневники и даже семейный альбом, они поменялись местами.

Аюп работал уже грубее. Натянув, подобно Питону, перчатки, он стал сдвигать мебель, надеясь отыскать сейф, после чего свернул во всех комнатах ковры и занялся поисками тайника. Тщательно простукал паркет, снял в нескольких, показавшихся подозрительными, местах дощечки. Практически полностью разобрал письменный стол. В туалете и ванной, в тех местах, где кафель слегка отошел от стены, и под ним образовалась пустота, он тоже поработал топором.

Просмотрев за это время найденные записи Сабанина, часть из них Питон отбросил в сторону, а заинтересовавшие его сложил аккуратной стопочкой на полу, слева от себя. Но в них не было того, что он искал. В основном в записях были расчеты для подрыва зданий, тоннелей метрополитена, мостов, зависящие от материала, времени постройки и других особенностей; пояснения, как устроить подрыв таким образом, чтобы обломки разрушенных конструкций упали в строго определенное место.

– Ну что, мамаша, – брезгливо скривив губы, Питон уставился на Сабанину, – расскажи-ка мне, что твой муж минировал во время войны и каким образом все это приводится в действие. Только не ври, – он перевел взгляд на дочь, которая расширенными от ужаса глазами наблюдала за всем происходившим. – А не то я твоей кукле сейчас начну делать больно...

– Питон, – окликнул его Аюп и, пройдя в комнату, протянул несколько смятых и пожелтевших листков. – Список адресов, а напротив килограммы...

– Вот это уже кое-что! – пробежав взглядом по отпечатанным на машинке строкам таблиц, обрадованно воскликнул чеченец. – Где нашел?

– В крышке письменного стола.

– Так ты будешь говорить, старая сука! – неожиданно вскипел Питон, оперевшись взглядом в Сабанину.

– Я только слышала, – дрожащим от страха голосом заговорила женщина, но дочь толкнула ее плечом в бок, и та замолчала.

Марина догадалась, для чего чеченцам нужна такого характера информация.

– Аюп, – Питон перевел взгляд на покрытого цементной пылью, грязью и опилками, мокрого от пота помощника, – убей эту сучку.

Однако едва чеченец, так и не выпустивший из рук небольшой топор, шагнул к дивану, как Сабанина быстро, иногда глотая окончания, заговорила:

– Он точно никогда не рассказывал. Только когда путч был, проговорился, что стоит ему доехать до станции метро «Китай-город» и выйти на улицу Забелина, как треть Москвы превратится в пыль.

– И это все? – Питон, не мигая, уставился на женщину.

– Да, – едва слышно ответила та.

– Ну, вот и хорошо, – он встал со стула и сунул пистолет за пояс, – Аюп, развяжи Марину. И надо помочь им прибраться.

– Сразу бы так, – Аюп, не выпуская из рук топора, помог подняться Марине с дивана и освободил ее стянутые скотчем запястья. Однако едва она шагнула к матери, как мощный удар обухом по затылку свалил ее на пол.

Дико взыв, престарелая женщина бросилась из комнаты, однако Аюп в два прыжка нагнал ее, и вскоре в квартире наступила тишина.

Еще с минуту поглумившись над трупами, словно убийства совершил психически больной человек или наркоман, он с преспокойным видом прихватил пакет с чистой одеждой и направился в ванную приводить себя в порядок.

Раздался звонок в дверь. Питон открыл. На пороге, едва держась на ногах, стоял Чалый. В руке несколько сторублевых купюр.

– Ты кто? – держась за стену и глядя куда-то под ноги, спросил пьянчужка.

Бросив быстрый взгляд сначала вниз, потом вверх по пролету, Питон, не церемонясь, схватил мужчину за шиворот и втащил в квартиру. Не говоря ни слова, довел его до входа в комнату, в которой разыгралась трагедия, и, с силой нагнув, приложил его теменем о стену. Затем снял тапки, в которых тот пришел, надел их и, походив по комнатам, намеренно наступая в лужи крови, вернул их хозяину, лежавшему без чувств. Немного подумав, отыскал топор и вложил несчастному в руки. Из ванны вышел Аюп:

– Сам управился?

– А чего с ним возиться было? – вопросом на вопрос ответил Питон. – Совсем пьяный был.

* * *

Выехавшие в Калугу офицеры по причине аварии задержались в пути, а когда наконец, уже под вечер поднялись на третий этаж старой хрущевки, где проживала вдова Сабанина, обнаружили там милиционеров.

– Что здесь произошло? – показав удостоверение дежурившему в коридоре сержанту, спросил Линева.

– Как обычно, – прижимая к лицу носовой платок, ответил тот. – Бытовуха. Жена ушла от мужа, тот с годик попил, потом решил наказать благоверную, а заодно и ненавистную тещу.

– А поточнее? – лицо Линева словно окаменело.

– С матерью проживала уже взрослая дочь, ушедшая месяц назад от супруга-алкоголика. Обе на момент приезда группы немедленного реагирования были мертвы, – уже немолодой сержант убрал от лица платок и сунул его в карман. – Все стены, полы, книжные полки порублены топором и залиты кровью. Разрубленные на части женщины находились одна в спальне, другая в комнате.

– Точно? – недоверчиво глядя на сержанта, нахмурившись, спросил Данила.

– Точнее некуда, – хмыкнул тот. – Да вы лучше со старшим опером поговорите. Он в кухне. Там, кстати, и этот отморозок. Эксперты-криминалисты уже закончили и уехали. Так что можете смело топтать.

Едва Полынь и Туман тронулись с места следом за Линевым, как страж порядка преградил им дорогу и вопросительно посмотрел на Данилу.

– Они со мной, – догадавшись, в чем дело, ответил на немой вопрос во взгляде милиционера контрразведчик, и только после этого троица попала в квартиру.

В воздухе витал запах крови, а мухи в буквальном смысле слова выбивали глаза. На тесной кухне был относительный порядок. Лишь хрустели под ногами осколки битой посуды. Убрав со стола все лишнее, за ним с одной стороны устроился худощавый брюнет, оказавшийся тем самым старшим опером, о котором говорил дежуривший на площадке милиционер, по другую сторону восседал рыжеволосый громила в надетых на запястья наручниках. Рядом стоял еще один сотрудник в штатском. Вид громилы был ужасен. Опухший, с мешками под глазами, с ног до головы залитый кровью, он раскачивался из стороны в сторону, отрешенно глядя перед собой. Чувствовался острый запах перегара.

– И что он говорит? – Данила убрал удостоверение, которое показал милиционеру, в карман и прислонился спиной к вертикальному шкафу-пеналу для посуды.

– А вы, никак, дело в свое производство собираетесь взять? – поправив лежащую на столе стопку исписанных корявым почерком листков, съязвил оперативник.

– Не исключено, – на полном серьезе ответил контрразведчик, задумчиво глядя на подозреваемого. – Не просто же так я здесь.

Лицо опера вытянулось от удивления:

– Так тут же обычное двойное убийство на бытовой почве!

– Сомневаюсь, – едва слышно ответил Линева. – Можешь вкратце рассказать, как все было?

– Позвонили с небольшой разницей во времени сразу несколько жильцов этого подъезда. Шум в соседней квартире. Женские крики. Дежурный сразу отправил сюда экипаж ППС, который находился в этом районе. Входная дверь открыта. Здесь это пугало с топором в обнимку спит, – он показал шариковой ручкой на бугая. – Вернее, лежит без сознания. Когда с женщинами покончил, в мозгах, видимо, просветление небольшое наступило. Решил бежать. Споткнулся о порог комнаты и влетел аккурат темечком в коридорную стену напротив.

Жене отрубил руку и размозжил обухом основание черепа. Теще лицо и грудь, – он поежился и передернул плечами: – Жуть. Паркет вскрывал. Даже стол бывшего тестя разломал. Видно, зеленых с рожками искал.

– Я не... Не мог, – громила попытался еще что-то сказать, как вдруг завыл. По лицу покатались крупные, размером с горошину, слезы.

– Можно мы осмотрим комнаты? – Сморщившись так, словно надкусил лимон, Линева вопросительно посмотрел на милиционера.

– Да, эксперты уже закончили. Смотрите, – кивнул тот.

Данила и спецназовцы разбрелись по квартире. Аккуратно ступая, Туман прошел в спальню, перешагнув через нарисованный на полу мелом силуэт человека. Задумчиво теребя подбородок, Полян несколько минут сидел у порога, о который, со слов опера, споткнулся убийца. Линева же, натянув резиновые перчатки, изучал содержимое стола покойного Сабанина. Долго разбирался, как его ломали.

– Да здесь каждый квадратный сантиметр эксперты осмотрели и все запротоколировали, – появившийся в кабинете оперативник выглядел уставшим. – Все ясно как днем.

– А у меня с каждой минутой наоборот, все темнее и темнее, – раздался из-за спины голос Тумана.

– Вот, – Линева назидательно поднял указательный палец вверх. – Видишь, коллега, мои товарищи с вами не согласны. Даже наоборот.

– Что вам не ясно? – с раздражением в голосе спросил милиционер.

– Сколько времени прошло с момента поступления сигнала на пульт дежурного до того, как здесь была группа немедленного реагирования?

– Пять минут, – не задумываясь, ответил тот.

– Кто из соседей вызвал милицию?

– Позвонили сразу из двух квартир.

– Они сделали это сразу, как услышали шум?

– Да, – неуверенно ответил милиционер. – Хотя стук топора может навести на мысль, что в доме ведутся ремонтные работы.

– А сами-то они что говорят?

Оперативник стушевался:

– В один голос утверждают, что, как только послышался грохот, позвонили. Разница во времени при поступлении сигналов – полторы минуты.

– И вы хотите сказать, что за шесть с половиной минут этот Дракула умудрился снять в двух комнатах почти весь паркет, разворотить стол, отодвинуть от стен шкафы, а после этого разделаться с женщинами, которые наверняка не стояли на месте.

– Но вы же видели его, – не сдавался оперативник, – «человек-гора».

– Вы тоже не лишены зрения, – Линева стянул перчатки. – Он на ногах не держится.

– Что вы хотите этим сказать? – задал следователь самый волнующий сейчас для него вопрос.

– Этого парня умело подставили, – ответил за Линева Полинцев. – Даже если учесть, что он споткнулся о порог, след, оставленный на обоях коридора, должен был располагаться в другом месте. При этом ударился бы он не теменной частью, а лицом. Там расстояние – шаг. Либо он разогнулся от окна, нагнулся и сам долбанулся, либо его нагнули, а потом приложили со всей силы о стену.

Линева одобрительно посмотрел на Полинцева. Еще бы, офицеры спецназа имели узконаправленные знания и навыки оперативной работы, однако обладали уникальным даром делать выводы, основанные на анализе обстановки, не хуже экспертов-криминалистов.

– Завтра получите соответствующие документы о передаче материалов дела в нашу контору, – Данила стянул перчатки и, посмотрев на часы, направился к выходу. – А пока до свидания.

* * *

Местом экстренного совещания Родимов выбрал свой второй кабинет, оборудованный в учебном центре Генерального штаба. Было два часа ночи. Генерал выглядел хмурым.

Одетый в камуфлированную форму, он ходил из угла в угол просторного помещения, заслушивая доклады подчиненных, становясь с каждой минутой все мрачнее.

Кроме гибели семьи Сабанина и устроенного в доме погрома пришел сигнал из Турции о том, что внуку царского офицера Мальцева также навещали неизвестные. Кроме того, майор Джабраилов и капитан Дорофеев были арестованы прямо в ее квартире. Масло в огонь подлило сообщение о смерти майора инженерной службы Горшкова, по предварительным данным отравившегося некачественной водкой. Именно этот офицер решал организационные вопросы по поводу оформления документов, транспортировки и уничтожения опасной находки. Исчез рано утром, в то время, когда вовсю шли работы. Найден мертвым спустя чуть больше четырех часов в одном из дворов неподалеку от разбираемой гостиницы. Несмотря на большое количество сотрудников милиции, находившихся там, никто ничего не видел.

Антон, собрав все эти факты воедино, пришел к однозначному выводу: кто-то упорно ищет информацию по подрыву заложенных во время войны зарядов. Причем работают эти люди быстро, сноровисто, грамотно, и наверняка уже намного опередили группу. Перелопатив огромное количество архивного материала, он составил список объектов, которые, по его мнению, в первую очередь могли быть заминированы. Всего в нем было более пятидесяти адресов. Никто не чувствовал себя спокойно. Никакой информации о том, кто за всем этим стоит, не было. И это пугало. Возможно, террористы уже вскрывают массивные двери расположенного под землей какого-нибудь бункера, в котором находится злосчастная кнопка.

Линева был обескуражен. В Калуге, в квартире, где произошла трагедия семьи Сабаниных, он еще допускал случайность, но, вернувшись в Москву и оказавшись здесь, был попросту потрясен.

Сейчас Данила в срочном порядке готовил доклад своему шефу, генералу Краснову, который формально возглавлял объединенный контртеррористический штаб.

От МВД на совещании присутствовал молодой майор по фамилии Тихонов, недавно закончивший академию. Кареглазый шатен был на голову выше Филиппова и, со слов пред-

ставлявшего его человека, уже успел хорошо зарекомендовать себя на оперативной работе. Генеральную прокуратуру представляла следователь по особо важным делам капитан юстиции Суранова. Слегка раскосая, со стянутыми на затылке в тугой узел черными волосами, она заняла место на кожаном диване у стены.

– Касается всех, – Родимов наконец перестал мерить кабинет шагами и развернулся к столу, за которым сидели присутствующие. – Сегодня был подготовлен проект приказа о выводе вас из-под юрисдикции ведомств, в которых вы до этого работали. Другим приказом вы зачисляетесь в совершенно новое структурное подразделение под кодовым названием «Анаконда». Основное предназначение группы, как и прежде, борьба с терроризмом во всех его проявлениях. Добавятся такие нюансы, как изучение его природы и прогнозирование. До этого мы в основном вылетали туда, где уже конкретно что-то происходило. Сейчас мы заранее должны научиться определять цели и знать планы террористических групп. Основное требование – работать на опережение. Разведчики-диверсанты – костяк группы. Занятия, особенно теоретические, уже немного скорректированы. Оттачивать свое боевое мастерство будете, как и прежде, в учебном центре Генерального штаба. Вопросы?

– Разрешите, – со своего места поднялся майор Тихонов. – Как понимать «выводитесь из-под юрисдикции»?

– Вопрос ясен, – генерал вновь зашагал по комнате. – Только странно, что такой человек, как вы, его задает. Отвечаю. Вы должны организовывать взаимодействие со своими ведомствами, но, – Родимов поднял указательный палец вверх, заостряя внимание на том, о чем скажет дальше: – Только по моей команде.

– Как я поняла, вы наш начальник? – впервые за все время подала голос представительница Генпрокуратуры.

– А вот для вас как раз я не указ. Ваша задача – следить за законностью наших действий.

Филиппов с Полинцевым остались ночевать в гостинице. Взяв у дежурного сержанта ключ, они поднялись в номер. Антон тут же стал готовиться ко сну. Неугомонный Полинть включил компьютер. Едва Антон задремал, Полинть воскликнул:

– Теперь понятно, почему нам такое название придумали: «Анаконда, одна из самых крупных в мире змей. Длина до десяти метров. Живет у воды. Погрузившись в нее и выставив голову над поверхностью, часами неподвижно подстерегает добычу. Жертву топит или душит. Охотится на достаточно крупных животных, проходящих на водопой...»

– Слышь, любознательный, нам спать осталось от силы пару часов, – приподняв голову над подушкой, напомнил Антон. – Выключай эту штуку. А рептилиями займешься на пенсии.

Глава 4

В полицейском участке Дрона и Джина рассадили по разным камерам. Как понял Дрон, это были своего рода одиночки. Небольшой бетонный подиум представлял весь интерьер камеры. Не было даже окна. Вместо одной из стен – вертикально установленные металлические прутья.

Мешая английские, русские и турецкие слова, ему с трудом удалось узнать у полицейского, который перед тем, как отправить в камеру, еще раз обыскал его и отсканировал паспорт, что здесь они пробудут недолго. Подобными делами занимается Департамент безопасности, и туда уже сообщили о задержанных террористах.

– Мы не террористы! – попытался на английском возразить Дрон.

Вместо ответа ему двинули по спине резиновой дубинкой и препроводили сюда.

Сейчас, расхаживая из угла в угол узкого, как пенал, помещения, Василий лихорадочно размышлял над создавшимся положением.

Вообще он уповал на то, что турецкие власти, закрывающие глаза на то, что их страну уже давно используют чеченские боевики для решения своих задач, отнесутся к ним не очень строго. Обычно в Турции они лечатся после полученных ранений, решают организационные вопросы в Конгрессе чеченского народа, печатают свою литературу.

Но есть и другая сторона медали: на этой территории уже на протяжении многих лет ведется борьба с курдскими сепаратистами, и он не исключал такого развития событий, как попытку властей приписать его и Джина к этому движению. Как раз только сегодня утром в новостях сообщили о серии взрывов, прокатившихся по городу ночью. Ведь будь полицейский уверен, что он приехал из Чечни, то вряд ли назвал бы его террористом. Сидеть он, конечно, здесь не будет, и ему особо ничто не угрожает, но может уйти много времени на разбирательства. В Москве ждут результатов от их поездки, а они прохлаждаются в застенках силовых структур чужой страны. Хотя, с другой стороны, Дрон не считал эту командировку бесполезной. Пусть они ничего не узнали о проекте «Карточный домик», зато обнаружили, что кроме них кто-то так же занимается этой проблемой. Он был уверен, что Иса сообщил об этом Родимову. А каким способом и кто будет их отсюда вытаскивать, не имело уже ровным счетом никакого значения. Однако он ошибался.

Шаман подходил к двухэтажному зданию, расположенному на окраине Стамбула, где размещался приемный секретариат «Конгресса», когда ему позвонил Иса и сообщил о случившемся.

– Значит, задача меняется, – выслушав Ису, вздохнул Шаман.

– Что ты намерен делать? – настороженно спросил брат.

– Вместо того, чтобы лапшу на уши вешать о предоставлении финансовой помощи для возвращения домой, попытаюсь через «Конгресс» добиться освобождения Дрона и Джина, – пояснил Шаман. – Чеченцы имеют здесь большой вес. Туркам хватает возни с курдами. Не хватало им еще ссориться с кавказцами, которых здесь не меньше трех десятков тысяч.

Сотовые телефоны, находящиеся у офицеров, были надежно защищены от прослушивания, и они разговаривали без опасений.

В помещении «Конгресса» было прохладно – работали кондиционеры.

Уточнив у сидевшего за столом администратора, к кому можно обратиться по поводу незаконного задержания граждан Ичкерии, он направился на второй этаж.

В тесной комнатухе за столом с установленным на нем монитором компьютера сидел уже немолодой мужчина.

– Здравствуйте, – Шаман нерешительно сделал шаг и остановился.

По-чеченски ответив на приветствие, хозяин апартаментов указал рукой, на которой не хватало трех пальцев, на стоящий по другую сторону стола стул.

– Я чеченец, – Шаман обвел взглядом стены комнаты, размышляя, как сформулировать вопрос. – Приехал сюда с тремя нашими братьями. Сначала мы лечились. У нас были проблемы со здоровьем. Случайно попали под русские бомбы. А потом решили сделать одно дело, – он выдержал паузу, собираясь с мыслями, – в общем, двоих арестовала местная полиция. В этой стране мы ничего противозаконного не совершали. Просто хотели узнать одну вещь...

– Говори смелее, брат, – заметив, что посетитель чувствует себя неловко, подбодрил его беспальный. – Если воевал, не стесняйся. Видишь, – он показал руку, – это осколком под Гудермесом. Если бы не ранения, я бы до сих пор убивал неверных, которые топчут нашу землю.

– Мы все четверо после ранений. Восстанавливали здесь свое здоровье, – начал смелее Шаман. – Пока набирались сил, узнали, что когда-то в эти края бежал один русский инженер, который изобрел способы взрывов домов. Двое наших братьев отправились к его внучке в надежде купить сохранившиеся документы. Она вызвала полицию.

– Вы не били ее? – насторожился беспальный.

– Нет, что ты, брат, – Шаман поднял руки с открытыми ладонями. – Пришли они с миром. Но что-то напугало старую женщину.

– Хорошо, – на секунду задумавшись, чеченец взял со стола карандаш и открыл лежащий перед ним ежедневник. – Где вас искать?

Шаман назвал гостиницу.

– Иди и будь спокоен, мы решим этот вопрос. – Беспальный записал адрес, после чего вышел из-за стола и пожал на прощание Шаману руку.

* * *

Гафур ехал по Ленинскому проспекту в направлении площади Гагарина, где назначил встречу Питону, когда неожиданно позвонили из Стамбула. Как ни странно, это был Камаль.

– Ты отправлял вчера своих людей к Мальцевой?

– Какой такой Мальцевой? – не сразу поняв, о чем речь, переспросил Гафур.

– Ты не перестаешь меня удивлять, – продолжал куратор. – В Стамбуле!

Спокойный, ровный голос араба и вовсе сбил его с толку. Рука, державшая трубку спутникового телефона, вспотела, и он приложил мобильник к другому уху.

– Это дочь полковника, который при царе жил, – как мог, напомнил сидевший за рулем Дукваха, догадавшись по обрывкам фраз о смысле разговора.

– Они уже были там и решили все вопросы! – облегченно вздохнул Гафур. – А что?

– Кто-то дышит тебе в спину. Но у меня есть теперь возможность узнать, откуда дует ветер. Работай, я позвоню вечером, – с этими словами всегда немногословный Сарсур Махуль отключил телефон.

Хмыкнув, Гафур повертел в руках громоздкий аппарат, потом сложил антенну и отвернулся к окну. Какая-то непонятная тревога, охватившая его еще с утра, когда он назначил встречу командиру диверсионной группы, усилилась.

На площади в машину подсел Питон. Расположившись рядом с Гафуром на заднем сиденье, он махнул рукой Аюпу, оставшемуся за рулем его машины, и тот, едва заметно кивнув, тронулся с места, чтобы через полчаса забрать хозяина в другом районе Москвы.

– Как дела, брат? – Сгорая от нетерпения, Гафур развернулся всем телом к Питону. – Судя по твоему лицу, у нас не все так плохо?

Гафур абсолютно ничего не знал о том, что произошло с момента их вчерашнего разговора по пути в аэропорт. Он справедливо не доверял никакой информации по сотовым телефонам, несмотря на то, что на каждый день недели были определены разные номера, а, назначая

встречу, они использовали намеки. Кодировочные таблицы и инструкции были разработаны еще до приезда в Москву. Например, сегодня утром, когда Питон сообщил, что вернулся «от девочек, где прекрасно отдохнул», Гафур ответил, что он с этим завязал и намерен просто покататься по столице. В данном случае безобидный и короткий разговор по телефону означал, что Питон не зря провел время. Гафур, своим ответом «намерен покататься по столице», дал понять, что будет ждать в машине на площади Гагарина. «Заглянуть в казино» – значит пообщаться в ресторане «Арагви», а «сходить в сауну» – встретиться у Оленьих прудов. Таких условных фраз было с десяток. Знала их и Замира, курирующая женскую половину группы.

– Пока все нормально, брат, – Питон усталым взглядом проводил свою машину. – Майора допросил лично. Рассказал все, что знал. Назвал человека, который лично занимался минированием города, – это полковник Сабанин. Правда, он уже умер, но мы пообщались с его женой, – заметив разочарование во взгляде Гафура, поспешил успокоить его чеченец, – и перерыли всю квартиру. Нашли много интересного. Нигде не наследили. Все чисто. Менты будут думать, будто майор водкой отравился, а семью полковника зять топором порубил.

– Так вы узнали, возможно ли то, ради чего мы приехали в этот город?

В глазах Питона появился странный блеск одержимого:

– Слава Аллаху, мы не зря проделали этот путь. – Он бросил украдкой взгляд на спину водителя Гафура и быстро заговорил: – Жена человека, который занимался всеми этими делами, подтвердила, что существует место, откуда можно подорвать оставленные с войны мины. Оно находится в районе улицы Забелина. Скорее всего, это какой-то бункер. Еще она сказала, будто ее муж даже грозился устроить настоящий ад, когда власть захватила ГКЧП.

– Даже так? – Гафур потер руки. – Значит, он был уверен, что вся система все еще находится в исправном состоянии!

– Только он и тогда не сказал, как туда попасть, – вздохнул Питон.

– Как?! – настроение Гафура вмиг переменялось.

Еще мгновение назад он размышлял над фразой, которая бы повергла Камалю в шок. Что-то вроде того: «Хозяин, мои люди справились с задачей, теперь только скажи, и придет возмездие Аллаха в самое сердце земли неверных». И на тебе, оказывается, впереди еще много работы.

– Но не волнуйся, Гафур, – Питон расплылся в самодовольной улыбке. – Нам удалось найти список адресов с указанием объема взрывчатки. Это был черновик заказа на ее поставку в Москву. Если найти хотя бы одну закладку, то провода выведут нас к бункеру! Считаю, что основную работу мы сделали, – с этими словами он вынул из заднего кармана брюк несколько листов бумаги, где, уже от руки, были скопированы таблицы. Оригинал он надежно спрятал.

Взглянув на Питона, Гафур тронул за плечо Дукваху:

– Проедь по Мясницкой.

В салоне наступила тишина. Питон отрешенно смотрел в окно, Гафур углубился в изучение переданных ему бумаг.

– Гафур, – нарушил молчание Дуквах, – Мясницкая.

– С какой стороны у нас четные номера? – засуетился чеченец, еще раз заглянув в список.

– Слева, – показал пальцем водитель.

Прильнув к окну, Гафур стал внимательно смотреть на таблички с номерами домов. Наконец, увидев нужную, попросил притормозить.

Огромное пятиэтажное здание с отделанным мраморными плитами фасадом величаво смотрело на него своими окнами. Раньше здесь было конструкторское бюро, эвакуировавшееся в сорок первом за Урал. Потом из пятиэтажки сделали жилой дом. Теперь на первых этажах размещались агентства, офисы компаний, разного рода конторы и даже магазин.

– Семь подъездов, – одними губами проговорил Гафур. – Как же в такой громадине искать закладку?

– В том-то и дело, что это громадина, а значит, и количество взрывчатки очень большое. Представляешь, сколько ее надо, чтобы разрушить здание? – усмехнулся Питон. – У нас есть рекомендации Мальцева. Русские опирались на его расчеты, когда проводили эти работы. Будем отталкиваться от них.

– А если она замурована в фундамент? – Гафур отвернулся от окна и посмотрел на Питона.

– Наглухо нет. Скорее всего, есть потайные двери или просто канализационные люки.

– Как бы то ни было, но, чтобы обследовать, не привлекая внимания, такой дом, понадобится время, – возразил Гафур. – А в списке их больше сорока. Нам понадобятся годы...

– Я так не думаю, – покачал головой Питон.

* * *

Ближе к вечеру Дрону и Джабраилу надели наручники, вывели из полицейского участка и усадили в микроавтобус, стоящий во внутреннем дворе.

По обрывкам фраз Дрон догадался, что их перевозят в департамент безопасности. Стало тоскливо. Глядя через затянутое сеткой окно на остроконечные купола мечетей, высившиеся над невысокими домиками, он пытался представить, что сейчас делает для их спасения Шаман.

В салоне с ними сидел и полицейский, и какой-то тип в гражданской одежде с наголо бритой головой. Было душно. По мере приближения к центральной части города менялся и пейзаж. Одно-, двухэтажные, похожие друг на друга дома сменились фешенебельными отелями, пестрящими рекламами высотными зданиями. Люди, особенно женщины, отличались здесь от живших на окраинах даже одеждой. Дрон успел заметить пару девушек в мини-юбках. Конечно, это могли быть и проститутки, а возможно, туристки из Европы или России, тем не менее контраст во внешнем облике Стамбула был большой.

Свернув с автострады, машина уперлась в высокие железные ворота, которые плавно откатились в сторону лишь после того, как человек в униформе турецкой жандармерии проверил какие-то документы у водителя и сидевшего рядом с ним полицейского, а потом заглянул в салон, словно для того, чтобы пересчитать пассажиров.

Тип в штатском вместе с конвойными сопровождал их по узким коридорам до самой камеры. Здесь условия были лучше. Две заправленные поролоновыми матрацами кровати, в углу, за перегородкой, – унитаз, а под зарешеченным окном размером с монитор компьютера – небольшой столик и два прикрученных к полу стула.

Но именно это насторожило Дрона. Он знал, как примерно обходятся в этой стране с преступившими закон людьми. У него возникло подозрение, что с ними играют в какую-то игру. Не прибавило радости и то, что на этот раз Джина поместили вместе с ним.

– Как ты думаешь, – усевшись на кровать и оглядев стены, словно пытаясь увидеть глазок видеокамеры, заговорил Вахид, – что все это значит?

– Сам хотел бы узнать, – Дрон прошел к столику и опустился на табурет.

– Это не тюрьма, – через некоторое время сделал вывод Джин, – и не следственный изолятор департамента безопасности.

– Ты бы поменьше вслух рассуждал, – как бы невзначай напомнил ему Василий.

Едва он закончил фразу, как загредел засов и в камеру вошел все тот же грузный бритоголовый мужчина, что сопровождал их из полицейского участка, и какой-то кучерявый парень.

– Как я понимаю, – с легким кавказским акцентом заговорил кучерявый, глядя на Дрона, – вы Агапов Василий Альбертович?

Дрон медленно встал и кивком подтвердил его умозаключение.

– Если знаешь, что в камере из двоих человек один чеченец, а другой русский, то вопрос глупый, – не выдержал Вахид. – Разве может он быть Асланом Умаровым?

Свой псевдоним он проговорил четко, выговаривая каждую букву.

– Такой порядок, – стушевался кучерявый.

– Ты чеченец? – Продолжая сидеть, Вахид упер руку в колено и исподлюбья уставился на переводчика.

– Да, – подтвердил тот.

– Где мы находимся?

Лысый стал волноваться, переводя взгляд со своего спутника на Джина и обратно. Было ясно, что он не понимает ни слова. Спohватившись, парень начал торопливо переводить разговор. Выслушав переводчика, лысый что-то сказал. Кучерявый развернулся к Джину:

– Пока будем спрашивать мы...

– Хотя бы скажите, за что нас задержали? – фыркнул Дрон.

– С какой целью вы находитесь в Стамбуле? – спросил парень, проигнорировав вопрос Дрона.

– Отдыхаем, – лаконично ответил Джин.

– Вы имеете связь с курдскими террористическими организациями?

От этого вопроса Дрон аж подскочил на стуле:

– Ты что, совсем рехнулся! – Он с шумом перевел дыхание.

– Мы раньше лечились здесь, – заговорил Джин. – Оба. Ты же знаешь, на нашей родине идет война. Случайные пули...

– Так уж и случайные, – усмехнулся переводчик. – Вы можете быть с нами откровенны. Мы лояльны к членам чеченского сопротивления.

– Почему ты говоришь мы? – нахмурился Джин. – Тебе поменяли кровь?

– Извини, брат, – парень смутился. – Я такой же, как ты. Но мне непонятно, почему с тобой русский.

– Агапов воюет на нашей стороне уже несколько лет, – пояснил Вахид, с уважением посмотрев на Дрона.

Кучерявый перевел ответы задержанных турку. Выслушав, тот скрестил на груди руки, медленно кивнул и, что-то сказав, выжидающе уставился на своего помощника.

– Хикмет Агджа желает знать, с какой целью вы посещали турецкую подданную Мальцеву, где были задержаны полицией.

– Я не могу ответить на этот вопрос, – вздохнул Джин, – но, клянусь Аллахом, что мы не хотели причинить ей зла. Я и мой друг слышали, как она звонит в полицейский участок, но, как видите, не предприняли никаких мер, чтобы убежать. Мы даже не препятствовали тому, чтобы она открыла дверь. Думали, у нас просто проверят документы, и все.

– Она моя родственница, – неожиданно нашелся Дрон. – Просто об этом мы не успели ей сказать. Я привез ей немного денег. Моя мать совершенно случайно узнала об этом от женщины, которая часто проводит в этой стране отпуск.

– Зачем вы обманываете? – кучерявый криво усмехнулся. – Вас интересовали разработки ее деда, который был военным инженером. Разве ты не сообразил, что мы поговорили с ней?

Он вновь переключил свое внимание на бритоголового, которого, как выяснилось, зовут Хикмет Агджа.

– Вы будете говорить правду? – Наконец, пообщавшись с турком, переводчик перешел на русский.

– Нет, – откровенно признался Дрон. – Мы даже не знаем, кто вы. Вдруг вы и есть курдские террористы, разыгравшие этот спектакль?

– Перед вами майор турецкого департамента безопасности, – наконец представил бритоголового переводчик. – Я представитель Конгресса чеченского народа Гурно Латипов. Иногда меня привлекают в качестве переводчика. Вы находитесь в тюрьме типа «F». Еще вопросы будут?

– Где ты получил такое образование? – словно обращаясь к самому себе, пробормотал Джин, глядя на земляка.

– Я закончил школу в России, а потом учился в Англии, – не без гордости ответил переводчик.

– Ты знаешь, – Джин посмотрел на кучерявого таким взглядом, что тот даже отступил на шаг к дверям, – я не буду говорить с тобой. Когда на родине твоих предков льется кровь чеченцев, когда весь арабский восток и даже сами русские, – он скосил взгляд на Василия, – умирают во имя маленького, но гордого народа, такая гниль, как ты, бежит по всему миру и прячется от самого себя. Ты не чеченец. Переведи своему майору то, что я сказал, и убирайтесь. Можете сдать нас русским. Я не боюсь смерти. В Великой Ичкерии многие знают, кто такой Аслан Умаров.

Зло сверкнув глазами, Гурно все же выполнил требование и перевел сказанное майору жандармерии.

Криво усмехнувшись, тот направился к дверям.

– Вы еще пожалеете об этом, – неожиданно выпалил переводчик, на секунду задержавшись на пороге. – Вас переведут в тюрьму, где в камерах по сто человек. Там вы узнаете, что такое жара и голод.

Вахид лишь отмахнулся.

– Пусть переводят, – хмыкнул Дрон, когда двери закрылись. – У них из-за таких тюрем знаешь, какие бунты были?

– Почему? – безразлично спросил Джин.

– В такой вот камере, – Дрон обвел взглядом стены, – рассчитанной на два, три места, легко выбить из человека любые показания, инсценировать смерть, что практически невозможно сделать при большом количестве заключенных.

* * *

Легкий ветерок лениво шевелил верхушками огромных сосен, растущих по обе стороны еще пустой автостреды. На ставшем сиреневым небе быстро таяли звезды. До восхода солнца оставались считанные минуты. Природа словно замерла в ожидании этого действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.